

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

КУЛЬТУРА НАРОДОВ ВОСТОКА

Материалы и исследования

Издательство «Наука»

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РУКОПИСНАЯ
КНИГА
В КУЛЬТУРЕ
НАРОДОВ
ВОСТОКА**

ОЧЕРКИ

Книга первая

Главная редакция восточной литературы
Москва 1987

Сирийское рукописное наследие представляет собой огромную материальную и духовную ценность. Оно является одним из свидетельств значительности культуры сирийцев, широко распространившейся по всему средневековому миру и оказавшей большое влияние на многие страны и народы. На сирийском литературном языке, который сложился на базе центрального арамейского диалекта семитской языковой группы, начиная уже со II в. создается разнообразная и интересная литература, отразившая все сферы деятельности людей, говоривших на этом наречии.

Сирийцы составляли основное население Месопотамии и сиро-палестинского Средиземноморского побережья. Очагом их цивилизации стало небольшое государство Осроэна, возникшее в северо-западной части Месопотамии в период распада селевкидского государства. Сирийская культура сформировалась на фоне этнического разнообразия, и решающий вклад в ее создание внесли арамеи и колонисты-греки, поселившиеся в этой области после похода Александра Македонского на Восток.

Первый фактор, определивший видную роль сирийцев в раннесредневековой истории, был обусловлен тем, что благодаря выгодному географическому положению на перекрестке важных караванных дорог сирийцы не только сосредоточили в своих руках торговлю в месопотамских городах и на сиро-палестинском побережье, но и устанавливали и поддерживали тесные связи также с Закавказьем, Средней Азией, Южной Аравией, достигали западного побережья Индостана и Китая.

Другой причиной, обеспечившей сирийцам передовые позиции в распространении их культуры, являлось то, что Осроэна стала первым в истории государством, где в конце II в. христианство было провозглашено официальной религией.

Сирийцы приняли активное участие в становлении новой религии, определившей в качестве идеологической основы жизнь народов средиземноморского культурного круга, внесли значительный вклад в развитие ее догматических положений.

Находясь на восточной окраине Византийской империи и соседствуя с Ираном, Сирия издавна испытывала идущее оттуда влияние дуализма (зороастризм, манихейство) и фатализма. Ему надо было противостоять. Идеологи сирийского христианства в своей борьбе с инакомыслящими зачастую доходили до крайностей, выходили за рамки ортодоксального вероучения. Именно поэтому в сирийской среде получили поддержку и широкое распространение два главных еретических течения, возникших в результате так называемых «христологических» споров по вопросу о термине «богочеловек».

У истоков первого из них — несторианства — находилось учение представителей антиохийской школы Феодора Мопсуестского и Диодора Тарсского. Сочинения «учителя учителей и толкователя толкователей» Феодора, направленные против влияния дуализма и фатализма, активно переводили и изучала целая группа сирийских ученых во главе с Ивой Эдесским. Все они стали ревностными последователями константинопольского патриарха Нестория, ересь которого была осуждена на 3-м Вселенском соборе 431 г. Эдесская школа — центр сирийского несторианства — была разгромлена. Часть учителей и учеников, покинув пределы Византии, бежала в Персию, где появилась новая сирийская школа в Нисибине. Несторианская нисибийская школа сплотила в своих рядах политическую оппозицию, враждебную Византии и потому поддерживаемую в Персии. Влияние сирийцев, сторонников Нестория, в Персии было очень велико, и вскоре персидская христианская церковь стала несторианской по преимуществу.

Если последовательная и непримиримая борьба против манихейства и фатализма привела к возникновению несторианской ереси, то резкое отрицание последней вызвало к жизни другое еретическое движение — монофизитство, которое также нашло широкую поддержку среди сирийцев. Именно благодаря деятельности сирийского монаха Иакова Барадея, впоследствии получившего сан епископа Эдессы, в середине VI в. монофизиты сплотились и укрепились. По имени этого епископа сирийцы-монофизиты стали называть себя яковитами. Ко второй половине V в. сирийцы оказались разделенными территориально, политически и идеологически. Все это усугублялось диалектным расчленением сирийского языка на западный и восточный, которое имело место и раньше, но из-за территориального раздела стало быстро прогрессировать.

Диалектное и идеологическое расхождение оказало значительное воздействие на письменную культуру сирийцев. Возникли две графические системы, отличающиеся одна от другой формой отдельных букв, способами огласовки текста, знаками 105

пунктуации. Идеологическая обособленность двух ветвей сирийского христианства ярко отразилась на судьбе рукописных книг. Это сказалось в первую очередь на разнообразии репертуара книг традиционного для средневековья богослужебного и теологического содержания. В сирийской литературе, как ни в одной другой, памятники традиционной письменности, в том числе переводы Библии, представлены большим количеством версий. Еще до обособления в сирийской церкви двух еретичествующих групп сирийский перевод Библии — Пешitto имел длительную и сложную рукописную историю. С появлением несторианства и монофизитства сторонники того и другого направления предприняли шаги к дальнейшей обработке текста Пешitto.

У монофизитов новый дословный перевод всего текста Библии с греческого был сделан епископом Маббогским Филоксоном в 508 г. Рукописи его, вытесненные позднейшими переводами, сохранились плохо. В VII в. монофизиты вновь обратились к пересмотру библейского перевода. Павел Теллский перевел на сирийский язык гексапларный текст LXX. Части этого перевода дошли до нас достаточно полно во многих рукописях. В том же, VII в. Фомой Харклеким был пересмотрен перевод Нового завета, а в 704—705 гг. Иаков Эдесский переработал на основе греческой версии текст Ветхого завета, который лишь частично представлен в рукописях.

Несториане отличались бóльшим консерватизмом, однако и они пытались ввести новый, исправленный библейский перевод, который предпринял в VI в. католикос Мар Аба I. Есть свидетельства, что он заново перевел на сирийский язык с греческого весь Ветхий, а может быть, также и Новый завет. Однако рукописи перевода Мар Абы до сих пор не обнаружены.

Несториане и монофизиты не только пользовались разными переводами традиционных текстов, но и различались способами оформления, расположения их в рукописях. Так, согласно восточносирийской, несторианской традиции, весь текст Псалтири делился на 20 разделов — *хулоло*¹. Западные сирийцы, яковиты, подразделяли Псалтирь на 15 частей — *мармито*, которые, в свою очередь, дробились на *шубхо*. В мелкитских и сиропалестинских рукописях Псалтирь делится согласно греческим правилам на 20 разделов — *кафизм* — *кад'исмата*. В сирийских лекционариях — сборниках, содержащих богослужебные тексты из Библии, порядок размещения этих текстов различен. Он определяется яковитскими или несторианскими церковными календарями, которые расходятся между собой, а также мел-

китской системой, соответствующей греческой. Подобные примеры можно было бы продолжить. Но важнее отметить то, что конфессиональная рознь между различными ветвями сирийского христианства не только не обеднила, а скорее способствовала расцвету их культуры. В соперничестве между собой, стремясь привлечь на свою сторону все большее число приверженцев, несториане и монофизиты открывали учебные заведения, развивали научные и технические знания, создавали философские и грамматические школы, переводили с разных языков и на разные языки и фиксировали все добытое в рукописных книгах. Таким образом, можно сказать, что несториане и монофизиты внесли свой особый вклад в сирийскую культуру [Пигулевская, 1979, с. 248].

Значение сирийской культуры, ее роль в эпоху раннего средневековья стали выявляться благодаря находкам — особенно многочисленным с середины XIX в. — рукописных книг, публикациям обнаруженных в них текстов. И до настоящего времени ученые в своих исследованиях сирийской культуры опираются прежде всего на рукописи. Роль археологических открытий в этом деле еще чрезвычайно мала. Сирийские рукописи дают представление о всем многообразии интеллектуальной жизни этого народа. В них содержатся сочинения многих поколений сирийских писателей со II по XIV в. Это гностический «Гимн души» и «Книга законов стран», вышедшие из круга знаменитого эдесского философа Бар Дайсана, поэтические творения Ефрема Сирина, «пророка сирийцев», послания и гимнии Иакова Серугского, хроники Иакова Эдесского и Михаила Сирийца, трактаты по этике и логике ученого энциклопедиста XIII в. Бар Эбрея. Особый раздел в коллекциях сирийских рукописей занимают труды сирийцев по грамматике и естественнонаучные сочинения — трактаты по астрономии, алхимии, медицине и географии. Сирийские рукописные книги начиная с конца XIX в. были высоко оценены прежде всего как уникальный кладезь исторических сведений, касающихся событий, которые имели место в ближневосточном регионе, Иране, Закавказье, Южной Аравии. Большую известность приобрела хроника одного из самых ранних сирийских историков — монофизита Иешу Стилита, посвященная описанию византийско-персидской войны 502—506 гг. [Wright, 1882; Пигулевская, 1940 (II)]. Летопись дошла до нас в единственном списке, как составная часть сочинения Дионисия Тельмахрского, автора IX в. Рукопись, сохранившая этот памятник, происходит из библиотеки сирийского монастыря в Нитрийской пустыне и датируется IX—X вв. Другой сирийский историк-монофизит, Иоанн Эфесский, не менее знаменитый, посвятил главы своего 407

груда народам, граничащим с Византией, — арабам, гуннам, аварам, славянам² [Пигулевская, 1941, с. 109—147]. Большой интерес вызывают сочинения несториан Иоханнана бар Пенкайе³, рассказывающего об арабских завоеваниях, и Или бар Шинайи, который в своей хронологии одним из первых использовал синхронистические таблицы⁴. По словам Н. В. Пигулевской, «сирийцы как историки сыграли большую роль, которая до настоящего времени еще не оценена во всей ее значимости» [Пигулевская, 1976, с. 180]. Другой важный аспект деятельности сирийцев, засвидетельствованный рукописными книгами и также привлечший внимание ученых, — это их переводческая практика. Сирийцы переводили много и с разных языков, но более всего известны их переводы грекоязычной литературы, античной и византийской. Сохранились сирийские переводы сочинений Аристотеля, Платона, Галена, Лукиана, Плутарха, именно благодаря сирийцам достижения античности в области философии и медицины стали достоянием арабской науки. Сохранившиеся в сирийских рукописях переводы ранневизантийской грекоязычной литературы также представляют значительную ценность, во-первых, потому, что сочинения многих авторов, таких, например, как Север Антиохийский, в оригинале до нас не дошли и известны лишь на сирийском языке, а во-вторых, потому, что рукописи сирийских переводов гораздо древнее дошедших греческих списков этих памятников. Сирийцы переводили самые различные в жанровом отношении сочинения византийской литературы — поэтические гомилии и гимны, полемические трактаты, послания и хроники, причем переводы зачастую выполнялись вскоре после создания авторского текста. Так обстояло дело, например, с переводом на сирийский «*Historia ecclesiastica*» византийского историка Евсевия Кесарийского, который был осуществлен, вероятно, еще при жизни самого автора [Пигулевская, 1976, с. 167]. Исключительную важность представляют сирийские рукописи для библейской критики, ветхозаветной и новозаветной текстологии. В рукописях, фрагментах и палимпсестах, самые ранние образцы которых датируются началом V в., представлены различные переводы этих памятников. Так, например, сирийская рукопись 464 г., переписанная в Амиде, является древнейшей датированной записью части Библии [Райт, 1902, с. 221].

² Третья часть труда Иоанна Эфесского существует лишь в одной рукописи, принадлежащей Британскому музею [см.: Brooks, 1935—1936; Пигулевская, 1941, с. 109—147].

³ Издано частично: [Mingana, 1908].

⁴ Хроника дошла до нас в единственном, плохо сохранившемся списке (рук. Британского музея, Add. 7197) [Wright, 1870—1872, ч. 3, с. 1206—1207].

С середины XIX в. начинается интенсивная публикация сирийских текстов по рукописям различных собраний, однако эта работа еще далека от своего завершения, коллекции сирийских рукописей постоянно пополняются новыми находками. Но даже изданные рукописи не перестают быть предметом пристального внимания ученых, черпающих в их изучении все новый и новый материал для своей работы.

Сирийские рукописи — это прежде всего предмет материальной культуры. Писчий материал, который использовался сирийцами, не оставался с течением времени неизменным. Он прошел такие же этапы эволюции, какие характерны для других письменностей восточнохристианского культурного круга. Для книги начала нашей эры в качестве писчего материала применялся папирус. И хотя производство папируса, осуществлявшееся в Египте, в областях, примыкающих к дельте Нила, сохранилось и после арабского завоевания (ок. 640 г.) и даже, более того, арабы сами приступили к изготовлению харты, к VII в. он был вытеснен из сферы книжного производства более удобными материалами, которые и стали атрибутами книжного дела в эпоху раннего средневековья. Сирия находилась сравнительно далеко от Египта, имевшего монополию в производстве папируса, поэтому этот материал, видимо, не применялся там достаточно широко. Возможно, конечно, что папирусные свитки — а для папируса присуща именно такая форма книги — до нас не дошли. Обычно считается, что папирусный свиток был вытеснен пергаменным кодексом в IV—V вв., в эпоху утверждения новой, византийской культуры, начавшей свой путь под эгидой христианства [Roberts, 1954, с. 169; Гранстрем, 1969, с. 234].

Сирийская культура, более чем другая, исходившая из нового мировоззрения, обратилась и к новой форме книги и к новому писчему материалу — пергамену. Этому способствовало то, что традиция применения кожи в качестве писчего материала сложилась на Ближнем Востоке еще задолго до нашей эры. Кожа издавна использовалась для письма в Месопотамии, т. е. как раз в тех местах, которые стали впоследствии местом возникновения сирийской культуры. Именно отсюда кожа распространилась в Финикию, Малую Азию, Персию. Само слово, которым греки называли выделанную кожу, говорит о том, откуда пришел в западные части тогдашней Ойкумены новый писчий материал — *διφθέρα* родственно персидскому *дафтар* («тетрадь»). Таким образом, тенденции в развитии новой христианской культуры гармонично наложились на уже издавна существовавшие традиции изготовления книги.

Слово «пергамен» первоначально обозначало кожу телянка, однако современное употребление этого слова относится и к 109

писчему материалу, изготовляемому из шкур овец, коз, газелей, антилоп. Особенно хороший пергамен получался из шкурок новорожденных ягнят и козлят. Пергамен изготовлялся у сирийцев так же, как и у других народов — греков и коптов. Это было сложное производство с хорошо отработанной техникой.

Технология производства пергамена известна нам по фрагментам папирусной коптской рукописи VI—VII вв. Текст содержит множество греческих терминов, что может свидетельствовать о его переводном с греческого и тем самым универсальном характере [Hatch, 1946, с. 3]. Сначала шкуру промывали, залили с добавлением поташа, чтобы очистить от остатков мяса и шерсти. Затем снова мыли и растягивали на специальных рамках для просушки. Высушенную шкуру сначала натерли мелом, который впитывал остатки жира, а затем полировали пемзой, стремясь сделать поверхность кожи как можно более гладкой. Идеальной гладкости и ровности пергамена было очень трудно достигнуть, поэтому в дело шли и неудачные листы с дырками от ножей, разрезами, «зализами». Процесс изготовления пергамена в различных областях Средиземноморского бассейна варьировался. Так, для пергамена южной части характерным признаком является очистка только внутренней стороны шкуры, в то время как на внешней оставались следы шерсти, а цвет ее был серовато-желтоватым, а не белым. Это объясняется тем, что здесь для письма использовали только одну сторону — традиция, сохранившаяся от эпохи папируса, когда текст наносился только на внутреннюю сторону. Сирийцы обрабатывали пергамен всегда тщательно с двух сторон, проявляя особую приверженность к античным греческим традициям. Впрочем, по мнению некоторых специалистов, сирийский пергамен уступает по качеству византийским, и прежде всего константинопольским, образцам. Тем не менее мы можем утверждать, что наиболее ранние сирийские кодексы написаны на тонком, белом пергамене прекрасного качества [Wright, 1870—1872, ч. 3, с. XXVI; Hatch, 1946, с. 4]. Качество писчего материала менялось в зависимости от уровня экономической жизни сирийцев. Увеличение числа сирийских рукописей, написанных на более дешевом, грубом, плохой выделки пергамене, обычно объясняется возрастанием потребления писчего материала. Однако данное явление можно связать и с общим упадком сирийской культуры начиная с VII в.

Благодаря использованию в качестве писчего материала пергамена сирийские коллекции рукописей обладают неопенимой особенностью: очень многие из них — палимпсесты. По методу замечанию Н. В. Пигулевской, «палимпсесты издавна были

уделом сирологов» [Пигулевская, 1960, с. 9]. Пергамен всегда являлся ценным и дорогим материалом, и в целях его экономии писцы часто смывали или соскабливали нанесенный текст. Прежде считалось, что первоначальные тексты уничтожались по идеологическим соображениям, но статистический анализ палимпсестов приводит к выводу, что ликвидировались лишь те тексты, к которым утрачивался интерес, или тексты износившихся, пришедших в негодность рукописей сравнительно большого формата, поскольку центральная часть листа, как менее изношенная, могла еще пойти в дело. Об этом свидетельствует тот факт, что шрифт первого слоя палимпсеста, в том числе и сирийского, обычно бывает гораздо крупнее, чем вторично нанесенный. Значение сирийских палимпсестов трудно переоценить, в них сохранились зачастую тексты, считавшиеся утраченными, как в случае с особой сирийской версией перевода евангелий [Bensly—Harris, 1894] ⁵ или переводами на сирийский античной греческой литературы; иногда палимпсесты дают очень интересные варианты и разночтения к текстам, известным и в более поздней рукописной традиции, как, например, текст I и II Книги царств, сохранившийся в одной из рукописей ГПБ ⁶ [Пигулевская, 1960, с. 14—16]. Верхний слой этой рукописи — лекционарий Ветхого и Нового завета, нижний слой написан эстрангело VI в., причем в том же поперечном направлении, что и верхний слой, что затрудняет прочтение текста. Разночтения палимпсеста с каноническим текстом были установлены Н. В. Пигулевской и могут иметь ценность при критическом издании этой библейской книги.

Сирийские палимпсесты интересны еще и тем, что они отражают контакты сирийцев с другими народами, вступившими в восточнохристианский культурно-исторический круг. И хотя в сирийских палимпсестах нижний слой обычно тоже писался по-сирийски, в различных собраниях можно обнаружить образцы и других письменностей, представленных в нижнем или верхнем слое палимпсеста: греческой ⁷, коптской ⁸, арабской ⁹, латинской ¹⁰. Особенно интересна история одной рукописи-палимпсеста из собрания ГПБ ¹¹. Рукопись была обнаружена

⁵ Так называемый Синайский палимпсест.

⁶ Рук. ГПБ, сир. нов. сер. № 17.

⁷ Рук. Британского музея Add. 17, 210; Add. 17, 211; Add. 14, 665 (л. 8—9); рук. ГПБ, греч. сер. № СХІХ — наоборот, нижний слой сирийский, верхний — греческий.

⁸ Рук. Британского музея Add. 14, 631; Add. 17, 183; Add. 14, 665 (л. 10—20).

⁹ Рук. Британского музея Add. 17, 138.

¹⁰ Рук. Британского музея Add. 17, 212.

¹¹ Рук. ГПБ, сир. нов. сер. № 16.

К. Тишендорфом по частям во время его путешествий на Синай. Из своей второй поездки он привез первую часть рукописи — 59 листов, а затем добавил к ним еще 70 листов. Верхний слой этого палимпсеста написан на грузинском языке [Brosset, 1858, с. 264—280]. В нижнем слое благодаря настойчивой работе Ж. Ланда был обнаружен и прочтен сиро-палестинский текст [Land, 1862—1875, т. 4, с. 185—189], содержащий целую библиотеку: фрагменты Ветхого завета — Книги Исаии, Притчей Соломона, Книги Иова, Нового завета — евангелий Матфея, Марка, Луки, Иоанна, Деяний апостолов, отрывки житий Филимона-мученика и Саввы Киновита, другие отрывки [Пигулевская, 1960, с. 55]. Некоторые листы имели в нижнем слое сирийский текст, написанный архаичным эстрангело. Наиболее ранний сирийский датированный палимпсест хранится в Британском музее¹². В верхнем слое он написан яковитским почерком и датируется X в., содержит службы основным церковным праздникам; в нижнем слое находится текст Книги Исаии в версии Пешитто, нанесенный эстрангело, один из листов палимпсеста датирован 459—460 гг. н. э. [Hatch, 1946, с. 5; Tisserant, 1911, с. 85—95]. Среди сирийских рукописей есть и такие, которые являются двойными палимпсестами, т. е. содержат три слоя текста, иногда разноязычного. Экземпляры таких рукописей находятся в собрании Британского музея¹³.

С переходом к пергамену связан для раннего средневековья еще один этап в эволюции книжного дела — переход от свитка к новой форме книги — кодексу. Если первоначально пергаменные рукописи оформлялись по примеру папирусного свитка, то впоследствии недостаточная эластичность этого писчего материала, который коробился при сворачивании, вынудила перейти к более удобной форме рукописи. Пергамен хорошо поддается сгибанию, из таких сфальцованных пергаменных листов формировались тетради и кодексы. Наиболее ранние средневековые кодексы состояли из одной тетради. Образцы таких рукописей известны нам из греческой и коптской традиции [Hatch, 1946, с. 23], у сирийцев подобные рукописи не засвидетельствованы. Существует мнение, что традиция сирийского рукописания знала два типа тетрадей: первый, вероятно более древний, когда несколько двулистных тетрадей примыкают друг к другу, но рукописей такого вида не сохранилось [Hatch, 1946, с. 23]; известные нам сирийские рукописи состоят из тетрадей другого вида, сброшюрованных из четырех пяти двойных или восьми-десяти одинарных листов. В сирийском языке за-

¹² Рук. Британского музея Add. 14, 512.

112 ¹³ Рук. Британского музея Add. 17, 212; Add. 17, 136; Add. 14, 665.

фиксирована развернутая терминологическая система для обозначения кодексов и частей, его составляющих. Кодекс по-сирийски назывался *цхохо*, один лист пергамента — *дафо*, развернутый лист — *птохо*, тетрадь в восемь или десять листов — *куросо* [Hatch, 1946, с. 23—24; Wright, 1870—1872, ч. 3, с. XXVI]. В сирийских рукописях обычно отсутствует сплошная полистная нумерация. Обозначалось лишь начало новой тетради, в которой, как правило, было определенное число листов. В качестве знаков условного обозначения применялись сирийские арифметические фигуры, или буквы сирийского алфавита, или то и другое вместе. Правда, после IX в. использовались только буквы [Wright, 1870—1872, ч. 3, с. XXVI]. Тетрадное обозначение не только служило утилитарным средством, но и являлось одним из приемов дополнительного украшения рукописи. Тетрадные обозначения помещались в верхней или нижней части листа. О характере культурно-исторических контактов сирийцев может свидетельствовать тот факт, что в качестве тетрадных обозначений в сирийских рукописях встречаются буквы греческого и коптского алфавита вместо сирийского [Wright, 1870—1872, ч. 3, с. XXVI]. Иногда два обозначения сочетались — сирийское ставилось внизу листа, а греческое сверху [Hatch, 1946, с. 23]. Форматы пергаменных сирийских рукописей разнообразны, хотя как особенность можно отметить отсутствие больших кодексов; преобладал наиболее удобный в обиходе формат в четверть листа [Пигулевская, 1960, с. 8].

Переход от свитка к кодексу отнюдь не свидетельствует о том, что первоначальная форма книги у сирийцев уже не встречается. Свитки, пергаменные и бумажные, существовали, но сфера их бытования была ограниченной: это литургические и магические тексты¹⁴, т. е. в любом случае, с точки зрения переписчика, сакральные. Такая традиция характерна не только для сирийской письменности, но и для других восточнохристианских культур (в том числе обильно представлена в византийской и эфиопской), и восходит она еще ко временам язычества, когда считалось, что свернутый в таком виде текст лучше сохраняет силу своего священного воздействия.

Дальнейший этап в эволюции писчего материала связан с историей бумаги. Бумаге сирийских рукописей было посвящено одно из ранних исследований Н. В. Пигулевской, позднее переизданное [Пигулевская, 1937, с. 419—434; Пигулевская, 1960, с. 199—213]. Вероятнее всего, бумага проникла на Ближ-

¹⁴ Например, рук. Ин-та востоковедения, собрание Лихачева, IIS, № 3 — Литургия Иоанна Златоуста; рук. Матенадарана, Коллекция иноязычных рукописей № 72 (а и б) — Сборник заклинаний.

ний Восток из Средней Азии. Существует устойчивая легенда, вероятно близкая к истине, согласно которой арабы, разбив в битве на Таласе в 751 г. тюрко-китайское войско, привели в Самарканд пленных китайцев, обладавших секретом производства бумаги. Однако есть сведения, что китайские мастера-бумагоделы работали в этом городе и до 751 г. Новый, дешевый материал постепенно вытеснил из употребления и папирус, и пергамен. К X в. определилось несколько главных центров производства бумаги в Сирии и Палестине — Дамаск, Тивериада [Пигулевская, 1960, с. 200]. Известно, что в Багдаде бумага изготовлялась с 795 г. Из египетских центров производства бумага проникла в Испанию (в Андалусии она делалась уже в X в.), Италию и Францию [Пигулевская, 1960, с. 200]. Постепенно бумага восточного происхождения совершенно вытесняется европейской и французской. Н. В. Пигулевская при анализе сирийских рукописей установила, что это явление начинается с XVI в. и длится вплоть до XIX в. Сирийцы стали употреблять европейскую бумагу, причем не только монофизиты, контактирующие с Западом, но и несториане в Заевфратье и в районе оз. Урмия. В мастерских Малой Азии бумагу, поступавшую из Венеции в восточные гавани Средиземноморья, лишь разглаживали под прессом, чтобы сделать ее более удобной для восточного письма [Babinger, 1931, с. 7; Пигулевская, 1960, с. 201].

Изучив сирийские рукописи, Н. В. Пигулевская установила, что европейская бумага появилась на Ближнем Востоке на два века раньше, чем предполагали ее предшественники [Пигулевская, 1960, с. 201].

Во всех странах Средиземноморского бассейна ранняя, архаичная бумага называлась «bombusina» («бомбицина» или «бомбикина»). Этот термин представляет собой сокращение от *charta bombusina*, т. е. бумага из хлопка, — название, параллельное названию пергамена — *pergamena charta*. Исходя из этимологии слова, исследователи полагали, что ранняя бумага на Востоке изготовлялась из волокна хлопчатника. Однако, поскольку термин обычно применялся по отношению к простой тряпичной бумаге, высказывались сомнения в том, что бумага когда-либо делалась из хлопка. Н. В. Пигулевская полагала, что сомневаться в существовании такой бумаги нельзя, поскольку китайские образцы могут дать представление о том, что бумага вырабатывалась из отбросов хлопчатобумажной пряжи [Пигулевская, 1960, с. 202]. Так что название «*charta bombusina*» оправдывает свой внутренний смысл. Современный анализ состава как китайской, так и мусульманской (арабской и персидской) бумаги позволяет уточнить ее вывод: бумага изготов-

лялась из луба тутового дерева, конопля и т. п. Лишь в редких случаях, для производства высококачественных ее сортов, применялись хлопчатобумажные отходы.

Н. В. Пигулевская нашла очень удачное подтверждение существованию хлопковой, в прямом смысле, бумаги, исследовав одну из рукописей ИВ АН СССР¹⁵ [Пигулевская, 1960, с. 202]. Рукопись содержит несторианский лекционарий и датируется по приписке 1243 г. Бумага ее толстая, волокнистая, расщепляется по краям и похожа на вату на месте сломов. Кроме того, на свет в ней видны темные и светлые пятна, так как бумажная масса распределена неравномерно. Материалом для этой бумаги явно послужили волокна хлопка. Поскольку этот материал быстро изнашивается, рукописей на такой бумаге сохранилось, видимо, совсем мало, но они все-таки были. Н. В. Пигулевская устанавливает и предположительный центр производства подобной бумаги — области Средней Азии, близко примыкавшие к районам, заселенным несторианами.

Ко второму типу архаичной бумаги Н. В. Пигулевская относит образцы тряпичной бумаги. Пример ее дает сиро-арабская Псалтирь 1424 г.¹⁶ [Пигулевская, 1960, с. 203]. Это неровная, волокнистая бумага желтоватого оттенка, цвет ее свидетельствует о лощении. Она местами глянцеви́тая, местами шероховатая, иногда имеет вержеры. Эта бумага определяется исследовательницей как арабская по происхождению.

В сирийских рукописях встречается, по наблюдениям Н. В. Пигулевской, еще один тип бумаги, на которую обратил внимание Н. П. Лихачев [Лихачев, 1899, с. XVIII]. Примерами рукописей, написанных на такой бумаге, являются арабско-сирийское Евангелие 1467 г. из ГПБ¹⁷, Толкование на Новый завет Ишодада Мервского 1490 г. из ГПБ¹⁸. Особенностью такого рода бумаги является то, что она имеет иногда плохо заметные вержеры и понтюзо по две и три линии в ряд. Бумага довольно толстая, глянцеви́тая, проклеенная и сатинированная зубом — костяным инструментом для разглаживания и лощения листов. В тех местах, где глянec стерся, она шероховатая, заметны волокнистость и неровность. Отсутствие образцов такой бумаги в западных рукописях и наличие их в греческих привело Н. П. Лихачева к выводу, что это бумага «византийского происхождения» [Лихачев, 1899, с. XIV, XIX]. Н. В. Пигулевская сомневается в этом выводе, поскольку сирийские рукописи на

¹⁵ Рук. Ин-та востоковедения, основной фонд, № 2.

¹⁶ Рук. ГПБ, восточный фонд, № 618.

¹⁷ Рук. ГПБ, сир. нов. сер., № 26.

¹⁸ Рук. ГПБ, восточный фонд, № 622.

такой бумаге датируются концом XV в., т. е. временем, когда Византии уже не существовало, и высказывает предположение о том, что центр производства такой бумаги следует искать на сиро-арабском Востоке [Пигулевская, 1960, с. 204].

Архаичная восточная бумага имела ряд особенностей, которые отличали ее от современной ей западной. Они коренились в различиях технологии производства. Клейкий раствор, в который погружали лист после формовки, на Западе и Востоке изготовлялся по-разному — на Востоке применяли крахмал, на Западе желатин из рогов и копыт. Восточная бумага отличалась более гладкой поверхностью, поскольку ее дополнительно сатиновали, западная была шероховатой. Есть разница также в вержерах и понтюзо. В восточной бумаге вержеры тонкие, иногда кривые, понтюзо расположены на неодинаковом расстоянии, тогда как в бумаге западного производства вержеры толще и идут параллельно друг другу, а понтюзо лежат равномерно.

Многие сирийские рукописи написаны на бумаге итальянского и французского производства с филигранями. Филиграния являются важным подспорьем в датировке рукописных книг. Первой обратила внимание на филиграния восточных рукописей Н. В. Пигулевская [Пигулевская, 1960, с. 199—213]. Она доказала, что водяные знаки для определения времени написания сирийских рукописей имеют неопределимое значение. По почерку сирийские рукописи трудно поддаются датировке, поскольку почерк с течением времени почти не меняется, стабилизируется, приобретает условную каллиграфичность.

Среди сирийских рукописей можно выделить такие, которые написаны на бумаге с водяными знаками итальянского происхождения. Это прежде всего якорь с кольцом, заключенный в круг. Одна из его разновидностей, где лапы якоря вычерчены в одну линию и над кругом еще добавлен трилистник, происходит из Венеции. Подобный водяной знак есть в рукописи несторианского Евангелиария 1600 г. [Пигулевская, 1960, с. 56—63]. Разновидность такого знака — якорь с кольцом в круге, над которым находится шестиконечная звезда или крестообразный символ, — позволила Н. В. Пигулевской датировать сирийскую рукопись песнопений Камиса бар Кардахи концом XVI в.¹⁹ [Пигулевская, 1960, с. 205].

Вторая, чрезвычайно популярная в сирийских рукописях филигрань — корона в ее различных вариантах; наиболее часто она встречается в рукописях в 50—60-е годы XVI в.²⁰ [Пигулевская, 1960, с. 205—206]. В сирийских рукописях пред-

¹⁹ Рук. Ин-та востоковедения, основной фонд, № 1.

²⁰ Рук. ГПБ, БИИ № 5.

ставлен такой, например, вариант этого знака: корона, над ней — шестиконечная звезда с повернутым рогами вверх полумесяцем. Корона со звездой и полумесяцем принадлежит к числу венецианских филигрanei, которые ставились на бумаге, предназначавшейся для Ближнего Востока, поскольку полумесяц являлся символом мусульманского мира. Знаки с короной отмечены Н. В. Пигулевской для нескольких сирийских рукописей ленинградских собраний. Из итальянских водяных знаков встречается также геральдическая лилия в круге [Пигулевская, 1960, с. 207].

В рукописях имеются и филигрanei французского происхождения. Одна из них — разновидность кувшинчика, которая обычно считается признаком бумаги из Южной Франции. Особенно часто в сирийских рукописях попадает знак в виде трех полумесяцев различной величины — *tre luna*, обычно последовательно уменьшающихся размеров. Эти полумесяцы не имеют твердо устоявшейся формы и разнообразно варьируются. Очень часто полумесяцы дополняются контрамарками и монограммами — черта с трилистником, разделяющая буквы А и В. Сирийские рукописи, имеющие филигрань «три полумесяца», датируются временем от начала XVII и до конца XIX в. [Пигулевская, 1960, с. 208—209].

Знак «три полумесяца» встречается, однако, не только в рукописях западного происхождения. Начиная с XVIII в. в Турции было налажено производство местной бумаги, которую также снабжали филигранью «три полумесяца». Но эта бумага отличается грубой выделкой [Пигулевская, 1960, с. 210].

Из французских филигрanei в сирийских рукописях встречается кроме кувшинчика филигрань герба, она находится, например, в рукописи 1588 г.²¹ [Пигулевская, 1960, с. 207]. На бумаге французского происхождения есть и такие филигрanei: полумесяц на щите, полумесяц с профилем человека. Они датируются XVI в. [Пигулевская, 1960, с. 207—208].

К числу наиболее старых сирийских рукописей, написанных на бумаге, относятся две из собрания Британского музея — одна из них датируется 1075 г., другая — 1085 г.²² [Wright, 1870—1872, ч. 3, с. XXVI]. Появление бумаги не вытеснило, однако, пергамен окончательно. Наиболее поздний сирийский кодекс на пергамене датирован 1567—1568 гг., он вообще подражает древним образцам и написан эстрангело в Тур Абдине [Hatch, 1946, с. 6]. Характерной особенностью сирийских рукописей является то, что в них очень редко смешиваются два

²¹ Рук. ГПБ, БИ № 56.

²² Рук. Британского музея Add. 14, 714; Add. 12, 144.

писчих материала — пергамен и бумага, что имело место в Испании и других частях Европы в XIV—XV вв. [Wright, 1870—1872, ч. 3, с. XXVI].

Переход к бумаге не отразился на форме рукописной книги, она сохранила форму кодекса, состоящего из нескольких тетрадей, как это имело место в пергаменных книгах.

Текст рукописей наносился писцом вручную с помощью нескольких инструментов. Прежде чем приступить к нанесению текста, лист пергамена натирался тальком, чтоб тот впитал жир, затем линовался на строки и колонки, поскольку сирийские рукописи V—VII вв. обычно писались в две и даже в три колонки. Линии разлиновки наносились тонкой свинцовой пластинкой или грифелем. Для разметки применялся циркуль или пункторий — стержень, с помощью которого можно было разметить на равные интервалы сразу всю страницу определенного формата. Куском пемзы писцы зачищали шероховатости и неправильно написанное.

Основным писцовым инструментом было перо. Сирийцы использовали два вида пера. Первый — калам — тростниковое перо, известное всему Средиземноморью еще до нашей эры. Примерно с III в. его стали заострять с двух сторон, чем добились более тонких линий. В древности в качестве орудия письма применялись костяные и металлические палочки, однако тростниковое перо было производительнее, поскольку в пористом тростнике чернила задерживались и скапливались, а не скатывались. Особенностью сирийских каламов было то, что они кроме заостренного конца имели расщепление, за счет чего штрихи букв получали почти всегда равномерное утолщение. Калам был распространен по всему миру, им писали евреи, греки (писец с каламом в руке часто фигурирует на византийских миниатюрах), копты и арабы [Hatch, 1946, с. 9].

Анализ приписок к сирийским рукописям позволяет сделать вывод о том, что сирийцы применяли для письма также и птичье перья. Об этом свидетельствует приписка к рукописи 509 г. из Британского музея²³ [Wright, 1870—1872, ч. 3, с. XXVII], где орудие письма названо *арбо де-поракто* — «птичье перо». В другой рукописи есть выражение: *нусойо де-хеуро де-гелфано* — «проба пера (птичьего)»²⁴ [Wright, 1870—1872, ч. 3, с. XXVII]. Упоминается птичье перо в целом ряде других рукописей²⁵ [Hatch, 1946, с. 8]. На основании таких упоминаний Ж. Ланд [Land, 1862—1875, т. 1, с. 58], а за ним и Р. Дюваль [Duval, 1881, с. 2] полагают, что наиболее древние сирийские рукописи были написаны птичьими перьями. По

²³ Шифр Add. 14, 542.

²⁴ Шифр Add. 17, 185.

118 ²⁵ Рук. Британского музея Add. 14, 551; Add. 12, 138; Add. 17, 185,

мнению Ж. Ланда, тростниковое перо вообще стало применяться сирийцами сравнительно поздно, не ранее XII в. [Land, 1862—1875, т. 1, с. 58—59]. У. Райт же считал, что ссылки на гусиное перо в сирийских рукописях лишь подражание греческим писцовым формулам и что сирийцы писали только тростниковыми перьями [Wright, 1870—1872, ч. 3, с. XXVIII].

Калам также упоминается в сирийских рукописях, но в сравнительно поздних. Наиболее ранняя ссылка такого рода есть в рукописи X—XI вв.²⁶ [Hatch, 1946, с. 9].

Птичьи перья перед их применением подвергались специальной обработке: перо сначала выдерживали в песке или золе, удаляли перепонки и жир, а затем расщепляли особым, предназначенным для этой цели ножом. Заточка гусиного пера была острой, линии от него получались яркими, а письмо четким. Такие перья использовались сирийцами в течение нескольких веков. Наиболее позднее упоминание птичьего пера, по мнению В. Хегча, относится к X—XI вв. [Hatch, 1946, с. 8]. Тростниковое перо оставляло более тяжелую линию и грубый штрих. Для пробы пера и чернил сирийские писцы употребляли особый термин *нусойо* [Wright, 1870—1872, ч. 3, с. XXVII].

Текст рукописи наносился с помощью чернил. Применение пергамента заставило, видимо, выработать особые рецепты чернил, отличающиеся от тех, которые использовались античными переписчиками. В сирийской писцовой терминологии есть два слова для обозначения чернил — *дйуто* и *хаборо* [Duval, 1881, с. 1]. Чернила обычно готовились по следующему рецепту: брали дубовые чернильные орешки, богатые танином, их мелко дробили и смешивали с водой. Раствор настаивался, затем процеживался через грубую ткань и подогревался на огне. После остывания в него добавляли немного купороса и камедь для придания раствору большей густоты. Камедь получали из акации и добавляли в качестве вяжущего средства в раствор, который под действием атмосферного окисления давал черный цвет [Hatch, 1946, с. 10]. Эти чернила имеют в рукописях V—VIII вв. специфический коричневый оттенок. Сирийцы, как и другие народы, применяли для изготовления чернил также сажу — *смомо* [Land, 1862—1875, т. 1, с. 58; Duval, 1881, с. 1]. Вероятно, с XV в. у сирийцев появились и железистые чернила. Сирийцы, жившие в Египте, в монастырях Скитской пустыни, делали чернила из корней растения, называемого *арто*, которые заменяли в их рецептах чернильные орешки. Корни этого кустарника — *Calligonum comosum* [Hatch, 1946, с. 11] — дробили,

²⁶ Рук. Бриганского музея, Add. 17, 128.

разбавляли темно-красным свежим вином или виноградным уксусом, что способствовало вытяжке танина. Такому раствору полагалось выстоять три дня. Затем туда же добавлялось немного купороса и камеди [Duval, 1881, с. 1; Hatch, 1946, с. 11]. Виноградный уксус и вино использовали и в рецептах с обыкновенными дубовыми чернильными орезками. Рецепты приготовления чернил сохранились во многих сирийских рукописях²⁷.

Текст на листе сирийской рукописи оформлялся в колонки — одну, две или, самое большее, три. Такое расположение текста, в узкую колонку, с короткой строкой, сохранилось еще с того времени, когда текст писался на папирусных или пергаменных свитках. С внедрением кодекса появилась удлиненная строка и широкая колонка, более удобная для чтения текста. В самой ранней из известных нам сирийских рукописей 411 г., написанной в Эдессе, — три колонки на каждой странице²⁸ [Wright, 1870—1872, ч. 2, с. 631]. Во всех других рукописях V в. на странице, как правило, по две колонки. От этого периода не сохранилось ни одного датированного кодекса, написанного в одну колонку, хотя Р. Дюваль и предполагает наличие таковых [Duval, 1881, с. 3]. В VI в. предпочтение отдавали размещению текста в две колонки, хотя встречаются рукописи и с одной. Наиболее ранняя сирийская рукопись, имеющая текст в одну колонку, написана в Маббоге в 510—511 гг.²⁹ [Hatch, 1946, с. 13]. Самая поздняя рукопись в три столбца относится к XV в. [Hatch, 1946, с. 13—14]. В рукописях, написанных почерками эстрангело, яковитским, несторианским и мелкитским, встречаются как один, так и два столбца, хотя заметно, что мелкиты чаще употребляют письмо в один столбец. Палестинское письмо характеризуется, как правило, расположением текста в две колонки. Число колонок скорее всего зависело от выбора писца, однако и местный стиль, мода также имели свое значение. Есть рукописи, в которых число колонок текста изменялось в процессе письма [Hatch, 1946, с. 14].

Тщательно переписанные рукописи, особенно те, которые принадлежали библиотекам храмов и монастырей, сверялись с протографом специальными людьми, которые делали это или

²⁷ Вот какой, к примеру, рецепт чернил содержится в приписке к рукописи X в. (рук. Британского музея Add. 14, 632) [Wright, 1870—1872, ч. 2, с. 580—581]: «Если хочешь ты сделать чернила для пергамена, возьми кожуру корня дерева, которое растет в пустыне этой, название его *арто*, и растолки ее, еще свежую, и прокипяти на огне хорошенько в черном вине и винном уксусе. Затем отфильтруй и добавь немного серной кислоты и камеди». Рецепты чернил см. также в рук. Британского музея: Add. 14, 540; Add. 14, 644; Arundel Orient MS 53.

²⁸ Рук. Британского музея Add. 12, 150.

²⁹ Рук. Британского музея Add. 17, 126.

в процессе списывания, или вскоре после него. Такие высококвалифицированные книжники-начетчики благодаря своему скрупулезному знанию текстов священных книг пользовались особым авторитетом. Упоминание их имен в колофоне проверенной ими рукописи служило своеобразным цензурным разрешением для выхода книги в свет.

Сирийские рукописи в основном не имеют роскошных орнаментов и миниатюр. Поскольку в них нет заглавных букв — все буквы в строке одинаковой высоты, — то не существует и узорных инициалов. Чтобы как-то украсить поле листа, используются разнообразные значки, подразделение текста на главы и стихи осуществляется с помощью геометрических фигур — крестиков, ромбиков, звездочек. Иногда рукопись начинается и завершается несложным орнаментом. Все это вносилось в текст рукописи различными красками. Для рубликации и орнаментации сирийцы применяли главным образом красную и зеленую краски, реже встречается желтый и синий цвет. Наиболее употребительной краской был сурик свинцового состава. Упоминание сурика — по-сирийски *сирикон* или *сирико* — встречается в сирийских рукописях³⁰ [Duval, 1881, с. 2]. Именно суриком чертилась для копииста на листе рамка для текста [Duval, 1881, с. 1]. Сурик — розовато-оранжевого цвета, он легко отличается от киновари ртутного состава, которая обладает малиновым оттенком [Щепкин, 1967, с. 36]. Киноварь также имеет место в сирийских рукописях. Как отметил У. Райт, киноварь чаще встречается в рукописях мелкитского происхождения [Wright, 1870—1872, ч. 3, с. XXVI]. Краски — зеленую, синюю, фиолетовую — получали из окиси железа, меди или красной камеди [Duval, 1881, с. 1—2]. Исследователи долгое время полагали, что сирийские рукописи не знают украшений и записей твореным золотом и серебром. Однако М. В. Никольскому удалось обнаружить пример такого рода украшения в сирийской рукописи VII в., содержащей евангельские чтения [Никольский, 1901, с. 94]. О применении сирийцами хризографии свидетельствуют не только сирийские алхимические трактаты, содержащие рецепты состава, которым можно было писать золотом [Пигулевская, 1979, с. 178—179], но и другие источники. В автобиографии Иоанна, епископа Харрана и Мардина (XII в.), говорится, что он собирал, приводил в порядок и переплетал рукописи, а также собственноручно написал золотом и серебром четыре списка Евангелия [Assemanus, 1721—1728, т. 2, с. 224—225; Райт, 1902, с. 176]. К хризографии прибегали как несториане, так и монофизиты. Из несторианской среды, вероятно, происходит

³⁰ Рук. Британского музея Add. 12, 138; Add. 14, 667,

кодекс, ныне хранящийся в библиотеке Ватикана (Vat. Syr. 662). Датированный концом XIII в., он написан мелким золотым эстрангело на голубом фоне [Leroу, 1964, т. 1, с. 109]. Однако наиболее известны рукописи, вышедшие из-под пера монофизитов. Так же, как это делалось в Византии, сирийцы оформляли с пышностью не всякие книги, а исключительно евангелия и евангелиарии, употреблявшиеся при церковном богослужении. Текст служб, совершавшихся в большие праздники, писался золотом и серебром на фоне различных цветов. Иногда вся страница окрашивалась в один цвет, а иногда она была полихромной. Диакритические знаки при письме золотом и серебром наносились голубой или красной краской [Leroу, 1964, т. 1, с. 110]. Наибольшую ценность из манускриптов такого рода представляет Евангелиарий, который хранится в библиотеке яковитской патриархии в Хомсе (САР) и датируется, согласно колофону, 1168-69 г.

Одним из элементов декоративного оформления сирийских рукописей является изображение главного христианского символа — креста. Наиболее древний его рисунок встречается в рукописи 462 г., содержащей сирийский перевод «Церковной истории» Евсевия Кесарийского [Пигулевская, 1926, табл. 1]. Со временем изображения крестов начинают варьироваться. Они рисуются в виде орнамента, украшаются розетками, вписываются в квадрат или круг. Образцами таких крестов изощренной формы могут служить рисунки из двух рукописей Национальной библиотеки в Париже [Leroу, 1964, т. 2, Альбом, табл. 4, 5, 7, 8].

Особое место в декоре сирийских рукописей занимает оформление так называемых Евсевиевых канонов, указателей сходных по содержанию евангельских чтений по всем четырем каноническим евангелиям. В греческой и сирийской традициях существовала разница в количестве страниц, занятых канонами. В греческих рукописях их было 12, а в сирийских — 19 [Leroу, 1964, т. 1, с. 127—128]. Каждая сводка указателей чтений занимала, как правило, отдельный лист. Она вписывалась в живописно составленные сетки из квадратов, ромбов или кругов, помещалась в арках, колоннадах, пропилеях. Древние образцы оформления Евсевиевых канонов представлены в рукописях VI в. [рук. Британского музея Add. 17, 123; Add. 14, 540; рук. Парижской Национальной библиотеки Par. Syr. 33 и др.].

В собраниях сирийских рукописей всегда особо выделяются кодексы с миниатюрами. Сирийская книжная живопись настолько разнородна, с одной стороны, а с другой — представлена таким незначительным количеством образцов, что в ней трудно

бенности, присущие тому или иному времени. Тем не менее все иллюминированные кодексы можно условно разделить на три основные группы. В первую входят те рукописи, художественное оформление которых связано с христианским искусством византийского круга. Вторая группа включает рукописи с миниатюрами, созданными под большим влиянием мусульманской традиции — арабской и персидской. Третья группа представлена примитивной живописью, выполненной обычно не художником-профессионалом, а самим переписчиком.

В качестве примера первой группы сирийской книжной живописи можно назвать знаменитое Четвероевангелие Раввулы, датированное 586 г. Его обычно рассматривают как самый древний датированный образец не только сирийской, но и византийской иллюминированной рукописи. Миниатюры Четвероевангелия Раввулы занимают 14 листов. На них семь отдельных композиций, в том числе «Распятие и Вознесение», «Троица» и др., а также миниатюры к канонам Евсевия. Последние оформлены многоярусными композициями: верхний ярус занимают ветхозаветные персонажи, средний — евангельские сцены, нижний — орнаментальные растительно-животные рисунки [Leroу, 1964, т. 1, с. 158—159]. Такое расположение материала продиктовано идеей христианской теологии, сложившейся уже ко II в., согласно которой евангельские события имеют прообраз в Ветхом завете и могут быть правильно поняты лишь исходя из него [Leroу, 1964, т. 1, с. 164—165]. Миниатюры Четвероевангелия Раввулы, несомненно, являются подражанием более древним, не дошедшим до нас образцам. Сами же они во многом повлияли на развитие декора сирийских рукописей, хотя столь роскошно оформленного кодекса больше нет в собраниях.

Примером художественного оформления второго типа можно считать рукопись начала XIII в. из Британского музея (шифр — Add. 7170). Кодекс содержит евангельские чтения, поэтому большинство (38) миниатюр представляют собой композиции на сюжеты евангелий. Все миниатюры несут на себе отпечаток мусульманской традиции. Это выражается в особых, восточных типах персонажей, их характерных позах, передаче деталей быта, архитектуры. Орнамент, обрамляющий отдельные миниатюры, также имеет в основе мусульманский источник [Редин, 1898, с. 2—3, табл. 1—5].

Образцы примитивной сирийской живописи можно встретить уже в не очень поздних рукописях. Таковы, к примеру, грубые изображения евангелистов в Четвероевангелии XII—XIII в. из собрания Ньютонской теологической библиотеки [Nath, 1946, с. 21]. Число рукописей с подобными малохудожественными миниатюрами увеличивается по мере того, как си-

рийская культура начиная с XIV в. постепенно приходит в упадок. Образцом такого рода могут служить изображения в Евангелиарии Института востоковедения АН СССР (Собр. Диттриха № 1, XVIII в.) [Пигулевская, 1960, с. 77—79]. Они являются копией с древнего образца, исполненной неумело и безвкусно. Примитивные рисунки сохранили и сборники заклинаний. На них изображалось все, против чего направлены заклятия: скорпионы, змеи, различные виды оружия, злые духи и ведьмы [Пигулевская, 1960, с. 124—128]. Известно, что переписка закладных книжечек составляла особую статью дохода для мелкого духовенства и авторами рисунков были сами писцы.

Переплеты сирийских рукописей, как правило, представляют собой две деревянные доски, обтянутые кожей. Внутренняя их сторона покрывалась иногда полотном или шелком. Переплеты, судя по тем, что сохранились до настоящего времени, отличались скромностью и простотой. Кожа была рыжего, красноватого, иногда черного цвета. Обычно тиснение отсутствовало, но иногда декор наносился и представлял собой геометрический рисунок в форме креста, кружков, квадратиков, маленьких звездочек [Leroу, 1964, т. 1, с. 105]. Часто для защиты кожного переплета его обшивали сверху бархатом или полотном. Два старых переплета сохранили рукописи Британского музея (Add. 17, 124; Or. 8729) [Leroу, 1964, т. 2, Альбом, табл. 1]. Второй из них принадлежит рукописи XIII в., он был обнаружен при реставрации. Верхняя крышка переплета имеет тиснение в виде большого креста с завитками, в средней части под крестом расположены четыре круга со звездами. На нижней крышке представлен тот же орнамент с незначительными вариациями.

Для богослужебных книг, постоянно находящихся в употреблении и лежащих на престоле, сирийцы — как яковиты, так и несториане — делали оклады из меди или серебра. На пластинах металла были выгравированы евангельские сцены или изображения святых [Leroу, 1964, т. 2, Альбом, табл. 1]. Известно, что такие пластины для окладов изготовлялись, например, в окрестностях месопотамских городов Мосула и Мардина [Leroу, 1964, т. 1, с. 105, примеч. 3]. Эта традиция, вероятно, восходит к древности, хотя старые оклады до нашего времени не сохранились.

Сирийское письмо основано на алфавите, ведущем свое происхождение от финикийского, который является источником почти всех алфавитных письменностей мира [Дьяконов, 1967, с. 362]. Как и всякое семитское письмо, оно консонантное и состоит из 22 знаков, служащих для обозначения только согла-

сных звуков. О происхождении сирийского письма существует несколько различных точек зрения. С конца XIX в. утвердилось мнение, что оно ведет свое начало от пальмирского курсива. Это предположение было высказано одним из первых исследователей сирийской палеографии, Ж. Ландом [Land, 1862—1875, т. 1 с. 64], поддержано Р. Дювалем [Duval, 1881, с. 4], полагавшим, что пальмирские надписи II—III вв. могут считаться звеном, которое связывает квадратное еврейское письмо с письмом Эдессы. Такую точку зрения разделял и Ж. Кантино [Cantineau, 1935, с. 32—35].

Все сторонники данной теории исходят при сравнении двух видов письма — пальмирского и эдесского — из эпиграфического материала. При этом имеют место следующие трудности, ставшие особенно явными сравнительно недавно. Во-первых, многочисленные находки пальмирских надписей достаточно усложнили как проблему возникновения этого письма, так и классификацию его вариантов. А такое положение весьма затрудняет для пальмирского шрифта выполнение роли эталона. С другой стороны, до сих пор не решен со всей определенностью вопрос о хронологии древнейших сирийских памятников эпиграфики³¹. Таким образом, и сам сравниваемый материал вызывает сомнение. Тем не менее точка зрения о зависимости сирийского письма от пальмирского может быть поколеблена. Во-первых, как бы ни датировать древнейшие сирийские эпиграфические тексты, надо признать, что сирийские и пальмирские надписи в общем одновременны (II—III вв.), а во-вторых, известно, что сирийское письмо существовало уже в I в., как об этом свидетельствуют надписи на монетах эдесских царей [Land, 1862—1875, т. 1, с. 64, табл. В]. Точка зрения, отличающаяся от вышеизложенной, впервые была высказана М. Лидзбарским. Он считал неправильным полагать, что сирийский шрифт эстрангело развился только на основе пальмирского курсива [Lidzbarski, 1898, с. 193—194]. Иного мнения придерживается Ф. Розенталь, который считает, что пальмирское и сирийское письмо не зависят друг от друга, а представляют собой резуль-

³¹ В настоящее время палеография надписи с именем царицы Цаддан на саркофаге, считавшейся ранее древнейшей сирийской, детально проанализирована Ж. Пиренн, которая пришла к выводу, что ее нельзя датировать, как это делали ранее, 60-ми годами I в., а нужно отнести к началу III в. [Pirienne, 1963, с. 102—106]. Датировка надписи из Биреджика вызывает сомнение, поскольку именно в том месте, где стояла дата, камень поврежден. Тем не менее М. Кюгенер [Kugener, 1907, с. 591—592], а за ним и А. Марик [Maricq, 1962, с. 91—92] сочли возможным датировать текст 6 г. и признать надпись из Биреджика древнейшей сирийской надписью.

тат самостоятельного развития из одного общего для них источника ³² [Rosental, 1964, с. 270].

По всей вероятности, уже к началу нашей эры как в Пальмире, так и в области Междуречья начало формироваться курсивное письмо, упрощавшее и убыстрявшее процесс нанесения текста. Этот шрифт вырабатывался на основе имперско-арамейского курсива, имевшего традицию записей на различных материалах — камне, папирусе и т. д. В различных регионах — приморской Сирии, Междуречье, Палестине — арамейский курсив мог приобретать свои, местные специфические графические особенности, которые, развившись, давали порою существенно отличающиеся друг от друга виды письма, отмеченные в то же время и какой-то общностью.

Сведения о существовании у сирийцев письменных текстов неэпиграфического характера содержатся в самих сирийских сочинениях. В числе источников широко известной «Эдесской хроники» отчетливо выделяются материалы, относящиеся к архиву эдесских царей. Эти сообщения «принадлежат к группе светских записей и имеют выраженный локальный характер» [Пигулевская, 1959, с. 79—96]. Первая заметка относится к 180 г. по селевкидской эре, т. е. к 131—132 гг. до н. э. Даже если предположить, что сведения о начальном периоде царствования династии Авгаров легендарны, то рассказ о наводнении в Эдессе в 201 г. [Пигулевская, 1959, с. 88—90] выглядит явно документальным, а формуляр записи свидетельствует о том, что в этот период существовал городской архив, документация велась писцами-специалистами и заверялась хранителем архива. О наличии в Эдессе архива сообщает также ранневизантийский историк Евсевий Кесарийский (Eus. Hist. eccl. I, 13).

Древнейший, сохранившийся до нашего времени образец сирийского письменного текста на пергамене — это тоже документ. Он был найден в 1933 г. в Дура-Европос [Welles—Fink—Gilliam, 1959, с. 142—149, pl. LXIX; LXXI]. Документ датируется 243 г. и представляет собой контракт о продаже рабыни. Контракт составлен и написан, как явствует из текста, профессиональным писцом, подписан свидетелями и заверен хранителем архива. Палеография пергаменного отрывка интересна тем, что она дает нам образец беглого письма — курсива, применявшегося для фиксации документов и нанесения записей преходящего значения [Torgue, 1935, с. 33—45]. Примеров же книжного письма, современных данному документу, мы пока не знаем. Тем не менее есть косвенные доказательства того, что в этот период существовали не только деловые документы, но

³² Эти точки зрения изложены в обобщающих работах [Jensen, 1925, 126 с. 126—127; Дирингер, 1963, с. 336—337].

и рукописные книги. К концу II—началу III в. относится деятельность известнейшего сирийского писателя, философа и ученого Бар Дайсана (Вардесана) [Пигулевская, 1979, с. 117—125], сочинения которого сохранились лишь в отрывках, но и по ним можно судить о высоком уровне его творчества, которое подтверждает, что сирийский литературный язык и письменная книжная культура были уже к этому времени достаточно хорошо развиты.

Древнейший тип сирийского книжного письма носит название эстрангело³³. Он представлен сирийскими рукописями начала V в. Им написан самый старый из сохранившихся до настоящего времени кодекс 411 г.³⁴

Совершенный характер письма — четкого и правильного — этой рукописи говорит о том, что эстрангело в качестве книжного письма стало употребляться задолго до начала V в. Книжное письмо эстрангело определяют по-разному. Ж. Ланд [Land, 1862—1875, т. 1, с. 65—70] и Р. Дюваль [Duval, 1881, с. 7] называют его маюскульным, типологически ставя его в один ряд с греческим и латинским унциалом, славянским уставом. Н. В. Пигулевская, наоборот, выделяет эстрангело из этого круга, отмечая, что «устава, который характерен для греческих, латинских и славянских рукописей. . . сирийский язык не знает» [Пигулевская, 1954, с. 65]. При этом она исходит из такой специфической особенности эстрангело, как связанное письмо. Это новаторское достижение, которым восточнохристианский культурный круг обязан прежде всего сирийским книжникам. Связное письмо было прогрессивным явлением, поскольку оно убистряло и удешевляло процесс производства рукописной книги. Стремление к соединению букв на письме можно отметить уже в самых древних сирийских

³³ Термин «эстрангело» применяется в сирологии не только для определения письма старшего периода, но и по отношению к письму эпиграфических раннесредневековых текстов. Кроме того, эстрангело ныне служит основным печатным шрифтом, с помощью которого набираются сирийские тексты. Последняя функция закрепилась за этим типом письма уже в наше время, ранее же для набора наряду с ним использовался как иковитский, так и квадратный еврейский шрифт. О происхождении термина «эстрангело» существует две точки зрения. Первая возводит его к греческому *στρογγύλος* «круглый», «округлый» [см.: Assemanus, 1721—1728, т. 2, с. 378; Nöldeke, 1898, с. 1; Brockelmann, 1960, с. 4; Costaz, 1955, с. 2—3; Церетели, 1979, с. 13]. Согласно второй, термин возник в результате контаминации двух слов: *серто* + *евангелайон* «евангельское письмо» [Michaelis, 1784, с. 15; Adler, 1789, с. 4; Uhlemann, 1857, с. 3; Nestle, 1881, с. 3; Land, 1862—1875, т. 1, с. 73; Duval, 1881, с. 7].

³⁴ Рук. Британского музея Add. 12, 150. Об истории этой рукописи см. [Cureton, 1848].

надписях, сохранившихся на монетах I в. [Duval, 1881, с. 4; Land, 1862—1875, т. 1, табл. В]. Можно проследить, как с течением времени почти все сирийские буквы приобретают связь или направо, или налево, или и в ту и в другую сторону.

В ранних сирийских рукописях можно выделить девять букв, которые в основном соединяются с предшествующей, но не с последующей буквой: *алеф*, *далет*, *хе*, *вав*, *зайн*, *семкат*, *цаде*, *реш*, *тау*. Причем, когда за буквами *далет*, *зайн*, *семкат*, *реш* следует одна из перечисленных выше букв, то они вообще не имеют никакого соединения. Такое явление характерно только для рукописей V в., оно служит хорошим датирующим признаком. Однако, как нам кажется, несмотря на столь рано проявившуюся тенденцию к связности букв, сирийское книжное письмо все же можно назвать маюскульным. Дело в том, что при этом письме буквы приобретают строго нормированное положение относительно двух параллельных линий, в пределах которых они и размещаются³⁵. Лишь шесть букв (из них у двух — *каф* и *нун* — это имеет место только в специфических конечных формах) выходят своими деталями за пределы рамочных линий. Поэтому сирийское книжное письмо старшего периода можно считать маюскульным связным письмом.

В типе сирийского письма эстрангело можно отметить изменение в написании некоторых букв. Так, уже начиная с V в. в рукописях можно наблюдать две формы буквы *далет* (𐤃) — угловатую и округлую. Причем до IX в. форма уголком наблюдается чаще, чем округлая, а с X—XI вв. получает преобладание последняя. Буква *хе* (𐤄) в форме двух соединенных полуколец встречается в рукописях с V по XIII в.; с конца VI в. возникает форма кружка с присоединенным справа вертикальным штрихом. Буква *вав* (𐤅) существует с V в. в двух видах — закрытый и разорванный кружок, но с XII в. в рукописях фигурирует исключительно *вав* круглый. Буква *мим* (𐤆) в V в. в основном открыта в своей правой части у основания, а на вершине закруглена. В более позднее время закругление закрыто, смыкается с верхней перекладиной. Буква *семкат* (𐤇) претерпела с течением времени изменения, касающиеся ее соединения со следующей буквой. Так, с V по первую четверть VII в. такая связь обычно отсутствует. С конца

³⁵ Такое определение см., например, у Е. Э. Гранстрем: «Маюскульное письмо — письмо, определяемое двумя параллельными линейками и не выбрасывающее (точнее, почти не выбрасывающее) за пределы этих двух, мысленно проводимых линеек никаких деталей, важных для определения отдельных букв» [Гранстрем, 1969, с. 233].

VII до конца XI в. буква *семкат* иногда соединяется со следующей за ней, иногда нет. Начиная со второй четверти XII в. связь с буквой налево становится постоянной (⚡). Особенностью буквы *коф* в эстрангело является ее стандартный характер. *Коф* во все периоды представляет собой четко очерченный квадратик, зачастую с выступающим левым верхним углом (⚡). Буква *реш* (⚡) разделяет графические особенности *далет*. Уже с V в. можно обнаружить две формы — угловатую и округлую. Такое сосуществование продолжается до XII—XIII вв., когда начинает преобладать округлое написание. Форма буквы *шин* (⚡) до XVI в. представляет собой заштрихованный треугольник основанием вверх. В XIV в. в некоторых рукописях очертания ее становятся округлыми. В последней букве алфавита — *тау* (⚡) — модификации подвергается петля, которая иногда имеет вид почти треугольника, а иногда закруглена. В эстрангело появляются особые формы для некоторых конечных букв, отличающихся от начальных и срединных написаний. Их всего три: конечный *каф* (⚡), начертание которого не изменяется с самых древних рукописей и до третьей четверти XVI в., конечный *мим* (⚡), головка которого в отличие от *мим* срединного всегда закрыта у основания, и конечный *нун*, сохраняющий свою форму как в ранних, так и в поздних рукописях (⚡).

На основе эволюции отдельных букв в развитии письма эстрангело можно выделить несколько этапов [Hatch, 1946, с. 44—46]. Первый период — с 400 г. до середины VII в. — связан с классической эпохой сирийской культуры. Рукописи этого времени написаны, как правило, четко, все буквы хорошо очерчены, почерк ровный и правильный. Но между 622 и 682 гг. мы не имеем ни одной датированной сирийской рукописи, написанной эстрангело, что обычно объясняется арабским завоеванием, политикой первых халифов [Hatch, 1946, с. 45]. Однако можно высказать предположение, что этот факт связан с появлением и утверждением новых типов письма, возникших в результате конфессиональных разногласий, — яковитского, несторианского и мелкитского. Общим для всех них было то, что они выражали единую тенденцию развития — переход к более быстрому и экономичному письму. Это подтверждается тем, что образцы почерка эстрангело с конца VII по IX в. — время, которое можно условно считать вторым периодом, — отнюдь не представляют собой картину упадка, вызванную арабским владычеством. Письмо по-прежнему остается четким 129

и правильным, хотя оно уже не столь изящно, как в классическую эпоху. Третий период — с X до середины XIII в. — можно назвать временем упадка. Буквы во многих рукописях становятся тяжелыми и неправильными, письмо утрачивает изящество. Именно к началу этой эпохи относится рассказ в «*Historia ecclesiastica*» Бар Эбрея о том, что Иоанн, епископ Картаминского монастыря, был вынужден восстанавливать древний, уже забытый тип письма, изучая в Тур Абдине древние рукописи [AbbeLoos — Lamy, 1872, стб. 417].

Анализ хранящихся в различных собраниях коллекций сирийских рукописей приводит к выводу о том, что забвение древнего типа письма не было в сирийском мире всеобщим явлением³⁶. Если рукописи, происходящие из северо-западной части Месопотамии, некогда являвшейся центром сирийской культуры и образованности, и свидетельствуют о том, что там на какое-то время были утрачены навыки письма эстрангело, то в таких заповедниках книжности, какими стали после арабского завоевания сирийские монастыри Египта и Палестины, они сохранились. Именно в этих рукописных центрах эстрангело приобрело новую специфическую функцию, став письмом литургическим, предназначенным для книг богослужебного содержания³⁷. Такое явление — характерная особенность третьего периода в развитии письма данного типа.

С конца VI в. в сирийском постепенно начинают выделяться и оформляться, приобретая свои индивидуальные особенности, два новых типа письма — несторианский и яковитский (*серто*)³⁸. Оба они сложились на основе эстрангело, и их возникновение отражает определенный этап в эволюции сирийского книжного письма, переход от маюскульных форм к минускульным, убыстрявшим процесс нанесения текста. Из двух типов письма несторианский отличается большим, чем *серто*, консерватизмом, большей зависимостью от эстрангело.

В развитии несторианского письма обычно выделяют два этапа. Первый продолжался с начала VII до середины XIII в. [Hatch, 1946, с. 46]. Самая ранняя несторианская рукопись датируется 599—600 гг. Однако почерк ее настолько близок

³⁶ Образцы датированных рукописей, написанных эстрангело, хорошо подобраны и расположены в хронологическом порядке в «Альбоме» В. Хетча [Hatch, 1946, табл. I—XCIV, с. 52—145].

³⁷ Типологически сходное явление имеет место в греческом письме. В последний период использования византийского унциала, в IX—XII вв., он употреблялся как литургическое письмо и назывался литургическим унциалом [Гранстрем, 1969, с. 235].

³⁸ Название произошло из сочетания *серто нешитто* — «простое письмо».

к эстрангело, что У. Райт так и называет его несторианским эстрангело [Wright, 1870—1872, ч. 1, с. 52]. Принадлежность рукописи к несторианскому кругу выявляется только на основе своеобразного способа огласовки. Система сгруппированных точек, служащих для обозначения гласных, является наиболее ярким признаком, выделяющим несторианские рукописи. С середины XIII и до конца XVI в. в несторианском типе письма появляется все больше и больше черт, присущих минускульному типу. Раньше считалось, что этот процесс шел под влиянием яковитского письма [Hatch, 1946, с. 28]. После находки в Дура-Европос сирийского текста на пергамене³⁹ [Welles — Fink — Gilliam, 1959, с. 142—149], представляющего собой образец делового курсива, который существовал наряду с книжным письмом эстрангело и служил для нанесения записей преходящего значения, можно сказать, что несторианский тип письма на втором этапе своей эволюции начинает синтезировать черты книжного письма и делового курсива. Характерная особенность несторианского почерка — наличие (иногда даже в одной и той же рукописи) двух форм для одной и той же буквы. Это присуще буквам *алеф*, *далет*, *хе*, *вав*, *мим*, *реш*. Отличительным признаком несторианского почерка являются стабильные древние формы для *коф* (маленький квадратик, иногда с заостренным и вытянутым левым углом —) , *шин* (горизонтальный жирный штрих, наложенный на вертикальный, —) , *каф* () и *мим* () конечные. Конечный *ламед* в виде двух вер-

тикальных черт, имеющих наклон вправо, встречается лишь эпизодически. Специфической приметой несторианского письма служит форма буквы *тау*. Вертикальная черта, составляющая ее корпус, имеет наклон вправо и снабжена вытянутым вправо концом в тех случаях, когда буква не связана с предшествующей, а стоит в начале слова. Несмотря на все отклонения, несторианское письмо в целом в своем курсивном варианте дает гораздо большее родство с эстрангело, чем яковитское.

В основу яковитского письма лег деловой курсив⁴⁰, единственным образцом которого для сирийского письма является уже упоминавшийся документ из Дура-Европос. Палеографический анализ документа дает ряд характерных особенностей

³⁹ Библиографию см. [Brock, 1978, с. 268].

⁴⁰ Типологически сходный процесс можно наблюдать в греческом письме. Византийский минускул возник на основе курсива, беглого письма, которым писались деловые бумаги. Он хорошо известен по образцам на папирусе [Гранстрем, 1958, с. 226].

курсива по сравнению с эстрангело⁴¹. К их числу можно отнести преобладание округлых линий в буквах *бет*, *зе*, *далет*, *вав*, *пе*, *реш*. Приметными признаками делового курсива, которые нашли затем применение в яковитском типе письма, служат форма буквы *алеф* в виде изогнутой вертикальной черты и особое начертание буквы *тау*, состоящей из вертикальной черты, склоненной влево, и присоединенной к ней выгнутой дужки.

Наиболее ранний датированный кодекс серто, по мнению В. Хетча, написан в 731—732 гг. [Hatch, 1946, с. 27]. В эволюции яковитского письма различаются два периода. Первый — с VIII по XI в., когда оно формируется и закрепляет свои особенности, и второй — с XII по XVI в., когда оно остается в основном стабильным. Яковитское письмо округлое, особенно характерные изменения по сравнению с деловым курсивом III в. произошли с буквой *мим*, головка которой стала также совершенно округлой (𐤎). Буквы *реш* и *далет* приобрели по аналогии с эстрангело точки (первая наверху — ֿ, а вторая внизу — ֿ), причем иногда точка писалась левее основной части буквы. Буква *коф* в этом письме эволюционирует: если в ранних рукописях она имеет ту же форму, что и в эстрангело, то в последней четверти XI в. становится круглой, совпадая по начертанию с *вав*. Изменению с течением времени подверглась буква *шин*: до конца XI в. она угловатая, как и в эстрангело; позже имеет вид маленького заштрихованного кружка; в последней четверти XIII в. возникает еще одна форма — заштрихованный треугольник, лежащий основанием на нижней линейке. Типичное явление яковитского письма — особые формы для конечных *ламед* и *'айн*, представляющие собой две параллельные черты, наклоненные влево и различающиеся лишь длиной. Они встречаются начиная с наиболее древних рукописей и вплоть до конца XVI в. Новшеством письма серто было появление лигатур для сочетаний *алефа* с *ламедом*. Таких форм было две: для *ламед* + *алеф* (представляла собой подкову с вытянутыми боковыми линиями, имеющую слева уходящий вниз штрих) и для *алеф* + *ламед* (состояла из двух параллельных, но не соединяющихся ливеек, из которых вторая переходит в букву *ламед*). В некоторых рукописях есть специфическая форма для тех случаев, когда конечный *ламед* одного слова

⁴¹ Палеографический анализ документа был сделан К. Торреем [Torrey, 1935, с. 33—45, 162]. Однако он не нашел принципиальной разницы между письмом документа и книжным эстрангело, не отметил того значения, которое оно имеет для истории возникновения сирийского

сталкивается с начальным *алефом* следующего. Такое сочетание обозначалось наклоненной влево и вытянутой концами вверх подковой, перечеркнутой волнистой горизонтальной линией.

Среди видов сирийского письма, сложившихся после клерикального раскола, особое место занимает письмо мелкитских рукописей⁴², которые были изготовлены в среде сирийцев, оставшихся верными ортодоксальному христианству, постановлениям Халкидонского собора 451 г. Таких кодексов сохранилось совсем немного, поэтому о характере мелкитского письма говорить трудно. Можно отметить только его большую близость к яковитскому и отсутствие, как правило, каких бы то ни было знаков огласовки.

Особый вопрос сирийской палеографии — это вопрос о так называемом сиро-палестинском письме, которое известно также как палестинское или старопалестинское. Этим письмом пользовались христиане-мелкиты Палестины, когда в V—VI вв. на западноарамейское палестинское наречие была переведена основная литература ортодоксального христианства. До нас дошло весьма незначительное количество сиро-палестинских текстов, причем многие из них представлены фрагментами, сохранились на палимпсестах. Сиро-палестинское письмо в формах многих букв очень схоже с эстрангело. Но оно по сравнению с последним выглядит жестким и угловатым. Из особенностей можно отметить отсутствие иногда точки в буквах *далет* и *реш*, специфическую форму буквы *шин* в виде галочки острием вниз, отсутствие специфических форм для конечных букв, а также особый знак, служащий для обозначения буквы *пе* в некоторых собственных именах и словах греческого происхождения и заменяющий в отдельных случаях *бет* сирийских слов.

По вопросу о происхождении сиро-палестинского письма в сирологии существуют разные мнения. Так, Ж. Ланд полагал, что оно возникло в результате контаминации эдесского почерка эстрангело с греческим унциалом [Land, 1862—1875, т. 4, с. 212, 232]. Эту же точку зрения отстаивал Р. Дюваль, причем он считал, что христиане Палестины заимствовали эдесское письмо в его старом варианте, до нас не дошедшем, т. е., во всяком случае, еще до IV в. У них этот вариант эстрангело сохранил в застывшем виде свои самые архаические формы, защищенные от изменений, которые произошли с эдесским

⁴² Особо выделяет группу мелкитских рукописей, например, В. Хетч [Hatch, 1946, табл. CLXXXIV—CXCVII, с. 235—248].

почерком в период расцвета сирийской культуры [Duval, 1881, с. 9—11]. В. Хетч в противоположность этому считает, что сиро-палестинское письмо древнее эстрангело. Он отмечает сходство некоторых букв этого письма с буквами пальмирского курсива и полагает, что и сиро-палестинское письмо, и эстрангело ведут свое начало от одного арамейского предшественника [Hatch, 1946, с. 29—30].

Распространение сирийской культуры далеко за пределами Месопотамии привело к такому явлению в истории письма, когда сирийское письмо стало применяться для фиксации текстов на других языках.

Прежде всего сирийский алфавит использовался для письма по-арабски. Такой тип письма носит название *каршун*⁴³. Его применяли сирийцы после того, как их язык перестал быть разговорным, и арабы-христиане, стремившиеся ввести особый вид письма, отличный от собственно арабского, которое употреблялось их антагонистами по вероисповеданию — арабами-мусульманами. Поскольку существует расхождение между количеством букв сирийского и арабского алфавита, некоторые сирийские буквы, такие, как *гамель*, *далет*, *тет*, *каф* и *тау*, представляли несколько арабских [Duval, 1881, с. 11]. Особый вариант несторианского письма распространился у христиан Малабара, когда сирийскими буквами стали писать по-малайски [Duval, 1881, с. 12; Land, 1862—1875, т. 1, с. 11, 91]. Сирийское письмо типа эстрангело было воспринято также согдийцами-христианами. Переводя памятники христианской литературы с сирийского, они для записи согдийского текста использовали эстрангело, приспособив сирийские буквы для передачи своих гласных и согласных. Причем отдельные сирийские слова и фразы иногда полностью, без перевода переносились в согдийский [Пигулевская, 1979, с. 24]. Сирийским письмом пользовались и тюрки. Сохранилось несколько тюркских фрагментов, написанных тоже эстрангело [Пигулевская, 1940 (I), с. 220—224, 231—233].

Особое место в сирийской палеографии занимает вопрос о способе сирийского письма. Сирийцы, подобно многим другим семитским народам, писали справа налево по горизонтали. Однако некоторые эпиграфические сирийские тексты дают примеры, когда буквы располагаются от вершины камня вниз вертикальной колонкой [Sachau, 1882, с. 142—167]. Такие

⁴³ Наряду с таким названием существуют и иные варианты: *гаршун*, *гершун*. Происхождение этого термина не имеет удовлетворительного объяснения. По одной из гипотез, наименование обязано своим возникновением изобретателю такого письма, который носил имя Каршун [Duval, 1881, с. 11].

примеры позволили высказать предположение о том, что сирийцы подчас писали вертикально и на папирусе, и на пергамене [Hatch, 1946, с. 11—12]. Точка зрения о сирийском вертикальном письме была высказана У. Райтом [Wright, 1870—1872, ч. 3, с. XXVIII], который считал, что сирийцы писали, помещая лист горизонтально, приближая левое поле страницы к груди писца и располагая слова вертикально сверху вниз, от правого угла к левому. Когда страница была закончена, пергамен возвращался в изначальное положение, колонка автоматически становилась линией и читалась справа налево. Диакритические точки писались справа и слева от слова, а когда рукопись поворачивалась, точки оказывались над и под словом. Это предположение обычно доказывается написанием в одной из сирийских рукописей⁴⁴ греческой фразы: «Авраам, монах» (ΑΒΡΑΑΜΜΟ), которая может быть прочитана, если рукопись повернуть указанным выше способом. Однако данный пример нельзя считать убедительным, поскольку рассматриваемый выше способ письма никак не отражался на чтении сирийского текста, которое при всех условиях переписки происходило горизонтально и справа налево. Аналогичное должно было произойти и с греческой фразой: написанная вертикально, она не должна была вызывать неудобств при своем прочтении. К тому же выше точно таким же образом расположена сирийская фраза «Авраам — затворник, молитесь за него», написанная тайнописью буквами эстрангело, которая не соответствует расположению букв остального текста. Скорее всего мы здесь имеем лишь пример изощренности переписчика в написании своего имени. К тому же характерное съезжание строки вверх при написании из правого угла листа к левому в ранних сирийских рукописях, что имело место тогда, когда линия не прочерчивалась инструментом, свидетельствует в пользу горизонтального письма. Некоторые ученые считают, что вертикальное письмо было присуще только яковитам. Они употребляли его до XIII или XIV в., а позднее приняли метод письма справа налево по горизонтали. Несториане же всегда придерживались горизонтального письма справа налево [Land, 1862—1875, т. 1, с. 60; Duval, 1881, с. 3; Hatch, 1946, с. 12].

Сирийское письмо является консонантным, поэтому в целях правильного чтения, произношения и понимания текста был выработан ряд вспомогательных знаков — для обозначения гласных, диакритических, служащих для правильного произношения согласных и различения грамматических форм, а также особая система знаков препинания. Весь этот сложный набор

⁴⁴ Рук. Британского музея Add. 14, 558, л. 171а.

знаков представлял предмет особых забот для сирийских переписчиков рукописи. Так, сохранилось высказывание Иакова Эдесского, в котором тот упрекает копиистов за непонимание характера и функций масоретских знаков и беззаботное внесение их в текст переписываемой рукописи [Segal, 1953, с. 1—2].

Обычно в процессе производства рукописной книги существовал особый этап, когда после написания текста глубоко сведущий человек расставлял в ней все необходимые значки. Они зачастую выделялись в тексте киноварью и служили дополнительным украшением рукописи.

У несториан и яковитов имели место различные способы обозначения гласных. Несторианская система сложилась к VII в., в ней для обозначения гласных употреблялись сочетания точек, располагавшиеся над буквой и под ней. Способ несториан был более точным, они фиксировали не только качество гласного, но и его долготу. Яковитская система огласовки установилась в VIII в. и состояла из схематически изображенных прописных греческих букв, писавшихся над и под строкой.

Диакритические знаки имеются в самых ранних из датированных сирийских рукописей. Так, уже в рукописи 411 г. из Эдессы Д. Сегал отмечает их сложную и последовательную систему. Ранние копиисты отличались большой осторожностью в использовании диакритической точки. Она появлялась почти неизменно только тогда, когда ее отсутствие могло стать причиной непонимания текста [Segal, 1953, с. 12]. Точка употреблялась в нескольких смыслах — например, для различения гласных в омографах, в таких случаях она часто несла в себе и грамматический смысл, дифференцируя личные формы глагола и причастия, суффиксы мужского и женского рода. С ее помощью различалось произношение согласных группы *бгджфт*: если точка ставилась в левом углу над буквой *ne*, то она обозначала ее особое произношение при передаче греческого π (*ni*). Одна точка над буквой отмечала удвоенное произношение согласной. Уже в самых древних сирийских рукописях употреблялся знак из двух точек над одной из букв слова, который обозначал множественное число. Черточка над согласной указывала на ее опущение в произношении или на отсутствие при ней гласного. Если черточка располагалась под буквой, то она свидетельствовала о наличии при ней вторичного краткого гласного.

Сирийская система акцентных знаков сформировалась позднее диакритической. В рукописи 411 г. встречаются лишь два акцента, и только на протяжении V в. их число значительно увеличивается [Segal, 1953, с. 58]. Акценты обозначали деле-

ния стиха, связи синтагм в стихе и отдельных слов в синтагме. Акценты были тесно связаны прежде всего с рукописной традицией библейских текстов, поскольку правильное чтение Библии считалось необходимым. В книге Д. Сегала [Segal, 1953, с. 58—77] дана классификация сирийских акцентов раннего периода — одни из них ставились на строке, другие над и под ней и изображались одной или двумя точками. Он приводит примеры 13 различных акцентов, в функции которых входило указание на повышение и понижение тона, слияние слов в произношении, эмфазу, паузу и другие оттенки речи. Д. Сегал отдельно рассматривает систему акцентов у восточных сирийцев в VII—X вв., когда она достигла особенного расцвета. Вообще акценты получили большую популярность у несториан, чем у яковитов. Несториане ввели 17 новых акцентов, отмечающих музыкальное звучание фраз, переход от прямой речи к косвенной, отделение одного слова от другого — если они настолько связаны в речи, что может возникнуть непонимание, — и продлевающих звучание слога в эмоциональном или торжественном чтении [Segal, 1953, с. 80—81]. Западные сирийцы изобрели лишь 9 своих, только им присущих акцентов, причем многие из этих нововведений были вызваны влиянием греческой риторики [Segal, 1953, с. 120—122].

В XI—XIII вв. системы акцентуации пришли в упадок, перестали играть свою роль в механизме языка, резко сократилось их число в рукописях. Д. Сегал объясняет это влиянием несемитской речи Византии, а также тем, что начиная с VII в. арабский язык вытеснил из обихода сирийский, который сохранился лишь в церквах и монастырях [Segal, 1953, с. 143].

Кроме рассмотренных нами знаков в сирийских рукописях есть особые отметки для обозначения в тексте цитат из Библии, их ставили перед началом первой и последней строки цитаты или перед началом каждой строки. Иногда для выделения цитат использовались буквы сирийского алфавита. Переписка рукописи была делом трудоемким и долговременным, поэтому, совершив ошибку, писец не торопился зачеркивать, стирать или замазывать написанное, а применял специальные корректорские знаки. Так, при перестановке слов во фразе копийст помещал три точки над или под ними, а иногда размечал правильный порядок слов сирийскими буквами в алфавитной последовательности. Точками часто пользовались и при перестановке букв в слове. Пропуск слова обычно фиксировался маленькой вертикальной чертой, и пропущенное слово добавлялось под этой маргинальной пометкой на полях [Wright, 1870—1872, ч. 3, с. XXVII—XXVIII].

Сирийские рукописи, как правило, имеют большие и подробные колофоны. Их формуляр не был строго регламентирован, зависел целиком от желания переписчика или владельца рукописи, а иногда диктовался модой. Писец обычно записывал в колофоне некоторые факты о себе и своей работе, дату, название монастыря, города или деревни, где кодекс написан, упоминал лицо, для которого он исполнен. Имя писца сопровождалось его церковной титулатурой и самоуничижительными эпитетами — несчастный, слабый, грешный и т. д. Писцы в общем старались не рекламировать свой труд, засекречивали свои имена. Для этой цели применялся арифметический шифр, когда буквы заменялись сирийскими арифметическими фигурами, соответствующими числовому значению буквы [Hatch, 1946, с. 17]. Иногда имя записывалось тайнописью — алфавитом Бар Дайсана. Суть такой тайнописи заключалась в том, что буквы заменяли одна другую и подобная замена находилась в зависимости от ее числового значения. Две буквы взаимозаменялись лишь в тех случаях, когда сумма чисел, которые они представляют, давала десять, сто или тысячу [Duval, 1881, с. 13]. Но есть такие колофоны, где писец указывал не только свое имя, но и имена своих предков — отца или деда, называл деревню или город, откуда он сам родом. Если переписчиком являлся монах, то он записывал имя настоятеля своего монастыря, имена епископов и митрополита. В отдельных концовках есть упоминание имени владельца, а также цена за рукопись. Часто писцы в колофоне сообщали вкратце историю переписываемого текста. Так, если это было переводное сочинение, то отмечались время перевода, имена переводчиков. Многие приписки содержат молитвы за переписчика, владельца рукописи или за благополучие их родного города или селения. В недавнее время была сделана попытка создать перечень имен всех известных сирийских переписчиков. Он насчитывает 301 лицо. Но скорее всего этот список еще далек от полноты [Barsaume, 1957]. Колофоны сообщают ценные данные о миграции рукописи, кому она принадлежала вначале, кем и кому была подарена. Иногда имена первоначальных владельцев замараны или соскоблены, это может говорить о том, что рукопись поступила к новому хозяину нечестным путем, а подобные акции обычно строго карались. Колофоны зачастую содержат угрозы в адрес тех, кто под предлогом чтения или переписывания присваивает чужую книгу. Им угрожает участь еретиков Маркиона и Нестория [Пигулевская, 1960, с. 13]. Некоторые сирийские рукописи имеют владельческие пометы на греческом языке [Пигулев-

Сирийские рукописи, как правило, строго, вплоть до дня недели и часа ее завершения, датированы. Дата обычно давалась по селевкидской эре — летосчислению, принятому сирийцами еще со времен существования государства Осроэны. Оно называлось и иначе — эрой греков, Александра или Апамеи. В V—VI вв. для обозначения даты применялись местные эры Антиохии и Бостры, первая начиналась 1 октября 49 г. до н. э., вторая — 22 марта 105 г. н. э. [Hatch, 1946, с. 18]. На датировку сирийских рукописей оказали влияние летосчисления других народов. Так, под греческим воздействием встречаются даты по эре Константина и года Адама. Этот метод часто использовали мелкиты. В редких случаях в колофоне указывается дата по индикту. После арабского завоевания встречаются даты по хиджре. Сирийские писцы часто дают косвенное указание на дату, называя имена известных митрополитов, епископов или настоятелей. Бывают случаи, когда в колофоне названы даты по нескольким системам, и их редукция дает самые противоречивые результаты. Это свидетельствует о том, что писец сам не владел переводом дат из одной системы в другую и вносил их в колофон, следуя моде.

Изготовление рукописной книги у сирийцев было тесно связано прежде всего с деятельностью высших школ. Широкая миссионерская деятельность этого народа стала возможна благодаря четкой и хорошо налаженной системе образования. Сирийцы славились своими школами, такими, как школы монастырей Дор-Кони, Кеннешрина, Мосула, но наибольшую известность приобрели высшие учебные заведения — академии Эдессы и Нисибина [Пигулевская, 1979, с. 60—74]. Они являлись не только центром образования, но и местом, где творили ученые и писатели, где создавались научные труды, делались переводы с других языков. При Эдесской и Нисибийской академиях существовали скриптории, называвшиеся «дом писцов» (*бет мактебоно*). В одном из источников по истории сирийского образования, рассказывающем о деятельности ректора Нисибийской академии Авраама, ему ставится в заслугу строительство нового скриптория вместо старого, который, видимо с увеличением числа писцов, оказался тесным и неудобным. Он возвел «другой дом около своей кельи, большой и просторный», писцам в нем было «легко писать и выполнять свою работу» [см.: Пигулевская, 1979, с. 65]. Таким образом, труд писцов находился под постоянным наблюдением ректора. В «доме писцов» создавались рукописные книги для школьной библиотеки, которая была неотъемлемой частью академического комплекса; в нем переписывались книги и для частных владельцев — алхимические трактаты для ремесленников, ме-

дицинские сочинения для врачей. Различные богослужебные книги поступали в распоряжение клириков и церквей. Книги очень высоко ценились, составляли предмет гордости хозяина. Известен случай, когда ректор Эдесской школы Нарсай, преследуемый своими политическими противниками, вынужден был покинуть город под страхом смерти. Даже в столь сложной ситуации Нарсая беспокоила прежде всего судьба его книг. Друзья Нарсая, способствовавшие его побегу, помогли переправить столь ценимые им рукописи в Нисибин [Пигулевская, 1979, с. 61].

Вторым источником, поставлявшим рукописные книги, были монастырские скриптории. При монастырях также находились библиотеки, и довольно богатые. Книги поступали в них как от принявших монашество лиц, так и от посторонних, желавших оказать благодеяние монастырю. Нам известно, например, как складывалась обширная библиотека сирийского монастыря Пресвятой Богородицы в Нитрийской пустыне [Райт, 1902, с. 217—218]. Она обогащалась за счет поступлений от жителей и уроженцев г. Тагрита. Особые старания в деле расширения библиотеки проявил настоятель монастыря Моисей Нисибийский. Из большого путешествия на Ближний Восток он привез 250 книг, приобретенных им самим. По заказу Моисея Нисибийского для библиотеки переписывали книги. Вкладчиком библиотеки этого сирийского монастыря был также александрийский патриарх Авраам.

Когда готовая книга поступала в библиотеку, то на форзаце или на одном из пустых листов ставилось имя дарителя, дата приношения, записывалась анафема тем, кто книгу присвоит. Книга выдавалась из библиотеки на определенный срок для копирования, сверки или изучения. Так, из библиотеки монастыря Богородицы в Скитской пустыне книгу можно было взять сроком на шесть месяцев [Wright, 1870—1872, ч. 3, с. XXIX]. О том, каким большим преступлением считалось присвоение чужой или библиотечной книги, свидетельствуют, например, «Правила Нисибийской академии» — одного из центров сирийской науки и образованности в эпоху раннего средневековья: «. . .если он попросит у эконома книгу, чтобы почитать и переписать из нее и случится [так], что эконом ошибется (забудет об этом), а [взявший] не придет и не сообщит ему, то он должен получить наказание и уйти из города» [Пигулевская, 1979, с. 100]. Наказание предполагалось и для тех, кто соскабливал с книги имя умершего владельца и ее дарителя [Пигулевская, 1979, с. 104].

Производство книги было долгим и сложным процессом. 140 Книги стоили дорого, поэтому бережно хранились и по мере

надобности реставрировались. Примеры такой реставрации рукописей можно видеть на кодексах, происходящих из библиотек монастырей Скитской пустыни. Судя по полоскам бумаги, которой подклеивались разорвавшиеся листы, по почерку сохранившихся на них записей, можно установить, что такая реставрация проводилась вплоть до XV в.⁴⁵ Есть примеры того, как утраченные листы рукописей заново переписывались и вставлялись в старую рукопись, доводя ее до полного текста ⁴⁶.

Сирийские монастыри, к XVI в. часто покинутые своими обитателями и заброшенные, стали тем источником, на основе которого складывались и пополнялись европейские собрания сирийских рукописей. Уже упомянутой выше библиотеке монастыря Богородицы обязан наиболее ценной частью своего собрания Британский музей [Райт, 1902, с. 221]. Некоторые ее рукописи стали достоянием Ватиканской библиотеки и Публичной библиотеки в Ленинграде ⁴⁷ [Пигулевская, 1960, с. 1—4]. Европейские собрания начали активно составляться в середине XIX в., когда исследователи-востоковеды организовали поиски сирийских рукописей. Прежде всего были обследованы Египет и Палестина, позднее ученым удалось проникнуть и на Ближний Восток с целью изучения коллекций, хранящихся в Мосуле, Урмии и других центрах.

Поиски сирийских рукописей продолжаются и сейчас. В последние годы активную деятельность в этом направлении развернул американский ученый А. Вёбус [Vööbus, 1978, с. 187—193]. Он систематически, в течение нескольких лет, изучал рукописные коллекции в Палестине и на Ближнем Востоке. Перечень просмотренных им хранилищ включает библиотеки монастыря Марка на Синае, патриархии сирийской католической церкви в Бейруте, патриархии в Багдаде, архиепископства в Мосуле, а также множество частных собраний ⁴⁸. Им обнаружены остатки легендарной библиотеки Эдессы, которая была вывезена из этого города и помещена в церкви мар Георгия в Алеппо. Благодаря А. Вёбусу в научный оборот были введены ранее неизвестные или известные только по различным упоминаниям у древних авторов памятники. Ему

⁴⁵ См., например, рук. ГПБ, сир. нов. сер. № 1 [Пигулевская, 1960, с. 95].

⁴⁶ См., например, рук. ГПБ, сир. нов. сер. № 4, л. 54 [Пигулевская, 1960, с. 140—143].

⁴⁷ Сир. нов. сер. № 2.

⁴⁸ А. Вёбус предполагает издать серию томов под заглавием «Каталоги сирийских рукописей в неизвестных коллекциях на сирийском Востоке» [Vööbus, 1978, с. 188].

удалось обнаружить «Книгу откровения» в версии Фомы Харклейского, сочинения Иакова Серугского, Моисея Кефы, сирийские переводы греческих текстов, оригиналы которых утрачены, книги юридического характера. Эти находки внесут много нового в изучение сирийской литературы, сирийских библиотек, истории сирийской рукописной книги.

- Гранстрем, 1958. — Гранстрем Е. Э. К вопросу о византийском минускуле. — Византийский временник. Т. 13. М., 1958.
- Гранстрем, 1969. — Гранстрем Е. Э. Уникальный период византийской письменности. — Византийский временник. Т. 23. М., 1969.
- Дирингер, 1963. — Дирингер Д. Алфавит. М., 1963.
- Дьяконов, 1967. — Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М., 1967.
- Лихачев, 1899. — Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Т. 1. СПб., 1899.
- Никольский, 1901. — Никольский М. В. Сирийские пергаменные евангелия имп. Московского археологического общества. — Древности восточные. М., 1901, т. II/2.
- Пигулевская, 1926. — Пигулевская Н. В. О сирийской рукописи «Церковной истории» Евсевия Кесарийского 462 г. н. э. в Российской Публичной библиотеке. — Восточный сборник Гос. Публичной библиотеки. № 1. Л., 1926.
- Пигулевская, 1937. — Пигулевская Н. В. Филигранные сирийских рукописей. — Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1937.
- Пигулевская, 1940 (I). — Пигулевская Н. В. Сирийский и сиротурский фрагменты из Хара-Хото и Турфана. — Советское востоковедение. 1. Л., 1940.
- Пигулевская, 1940 (II). — Пигулевская Н. В. Месопотамия на рубеже V и VI вв. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник. — ТИВАН. Т. 31, 1940.
- Пигулевская, 1941. — Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. — ТИВАН. Т. 41, 1941.
- Пигулевская, 1954. — Пигулевская Н. В. Греко-сиро-арабская рукопись IX в. — Палестинский сборник. Вып. 1 (63). М.—Л., 1954.
- Пигулевская, 1959. — Пигулевская Н. В. Эдесская хроника. — Палестинский сборник. Вып. 4 (67). М.—Л., 1959.
- Пигулевская, 1960. — Пигулевская Н. В. Каталог сирийских рукописей Ленинграда. — Палестинский сборник. Вып. 6 (69). М.—Л., 1960.
- Пигулевская, 1976. — Пигулевская Н. В. Сирийская культура средних веков и ее историческое значение. — Ближний Восток. Византия. Славяне. Л., 1976.
- Пигулевская, 1979. — Пигулевская Н. В. Культура сирийцев в средние века. М., 1979.
- Райт, 1902. — Райт В. Краткий очерк истории сирийской литературы. Под ред. и с доп. проф. П. К. Коковцова. СПб., 1902.
- Редин, 1898. — Редин Е. К. Сирийская рукопись Евангелия с миниатюрами XIII в. библиотеки Британского музея. Одесса, 1898.
- Церетли, 1979. — Церетли К. Г. Сирийский язык. М., 1979.
- 142 Щепкин, 1967. — Щепкин В. Н. Русская палеография. М., 1967.

- Abbeleos — Lamy, 1872. — *Abbeleos J. B., Lamy Th. J., ed. Gregorii Barhebraei Chronicon ecclesiasticum. T. 1. Lovanii, 1872.*
- Adler, 1789. — *Adler J. G. Novi Testamenti Versiones Syriaca simplex. Hafniae, 1789.*
- Assemanus, 1721—1728. — *Assemanus J. S. Bibliotheca Orientalis Clementino-Vaticana. T. 2. Romae, 1721, t. 3, pt. 2. Romae, 1728.*
- Babinger, 1931. — *Babinger F. Zur Geschichte der Papierzeugung in Osmanischen Reiches. B., 1931.*
- Barsaume, 1957. — *Barsaume Ignace Ephrem I. Histoire des sciences et de la littérature syriaque. 2 éd. Alep, 1957.*
- Bensly — Harris, 1894. — *Bensly R. Z., Harris J. R. The Four Gospels in Syriac Transcribed from the Sinaitic Palimpsest. Cambridge, 1894.*
- Brock, 1978. — *Brock S. P. Syriac Inscriptions: A Preliminary Check List of European Publications. — Instituto Orientale di Napoli. Annali. Vol. 38 (NS. XXVIII), fasc. 3. Napoli, 1978.*
- Brockelmann, 1960. — *Brockelmann C. Syrische Grammatik. 8. Aufl. B., 1960.*
- Brooks, 1935—1936. — *Brooks E. W. Joannes Ephesus. Historia ecclesiastica. — Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium. Scriptores Syri. Ser. 3. T. 3. Pt. 1. Parisiis, 1935, pt. 2. Lovanii, 1936.*
- Brosset, 1858. — *Brosset M. Notice sur un manuscrit géorgien de la Bibliothèque Impériale publique provenant de m. Tischendorf. — Mélanges asiatiques. T. 3. St.-Pbg., 1858.*
- Cantineau, 1935. — *Cantineau J. Grammaire du palmyrénien épigraphique. Le Caire, 1935.*
- Costaz, 1955. — *Costaz L. Grammaire syriaque. Beyrouth, 1955.*
- Cureton, 1848. — *Cureton W. The Festal Letters of Athanasius, Discovered in an Ancient Syriac Version. L., 1848.*
- Duval, 1881. — *Duval R. Traité de grammaire syriaque. P., 1881.*
- Hatch, 1946. — *Hatch W. An Album of Dated Syriac Manuscripts. Boston, 1946.*
- Jensen, 1925. — *Jensen H. Geschichte der Schrift. Hannover, 1925.*
- Kugener, 1907. — *Kugener M. A. Une inscription syriaque de Biredjik. — Rivista degli Studi Orientali. Vol. 1. Roma — Lipsia, 1907.*
- Land, 1862—1875. — *Land J. P. Anecdota syriaca. T. 1. Lugduni Batavorum, 1862; t. 4. Lugduni Batavorum, 1875.*
- Leroy, 1964. — *Leroy J. Les manuscrits syriaques a peinture, conservés dans les bibliothèques d'Europe et d'Orient. Vol. 1—2. P., 1964.*
- Lidzbarski, 1898. — *Lidzbarski M. Handbuch der nordsemitischen Epygraphik. Bd. 1. Weimar, 1898.*
- Maricq, 1962. — *Maricq A. La plus ancienne inscription syriaque: celle le Birecik. — Syria. T. 39. Fasc. 1—2. P., 1962.*
- Michaelis, 1784. — *Michaelis J. D. Grammatica Syriaca. Hallae, 1784.*
- Mingana, 1908. — *Mingana A. Sources syriaques. T. 1. Leipzig—Mosul, 1908.*
- Nestle, 1881. — *Nestle E. Brevis linguae syriacae grammatica. Carolsruhae et Lipsiae, 1881.*
- Nöldeke, 1898. — *Nöldeke T. Kurzgefasste syrische Grammatik. 2. Aufl. Lpz., 1898.*
- Pirenne, 1963. — *Pirenne J. Aux origines de la graphie syriaque. — Syria. T. 40. Fasc. 1—2. P., 1963.*
- Roberts, 1954. — *Roberts C. H. The Codex. — Proceedings of the British Academy. Vol. 40. L., 1954.*
- Rosental, 1964. — *Rosental F. Die aramaistische Forschung seit T. Nöldeke's Veröffentlichungen. Leiden, 1964.*

- Sachau, 1882. — S a c h a u E. Edessenische Inschriften. — ZDMG. Bd 36. 1882.
- Segal, 1953. — S e g a l J. B. The Diacritical Point and Accents in Syriac. Ox., 1953.
- Tisserant, 1911. — T i s s e r a n t E. Le plus ancien manuscrit biblique daté. — Revue biblique. NS. 8. P., 1911.
- Torrey, 1935. — T o r r e y C. C. A Syriac Parchment from Edessa of the Year 243 A. D. — Zeitschrift für Semitistik und verwandte Gebiete. Bd 10. Lpz., 1935.
- Uhlemann, 1857. — U h l e m a n n F. Grammatik des Syrischen Sprache. B., 1857.
- Vööbus, 1978. — V ö ö b u s A. In Pursuit of Syriac Manuscripts. — Journal of Near Eastern Studies. Vol. 37, № 2. Chicago, 1978.
- Welles — Fink — Gilliam, 1959. — W e l l e s C. B., F i n k R. O., G i l l i a m J. F. The Excavations at Dura-Europos. Final Reports. 5. Pt. 1. The Parchments and Papyri. New Haven, 1959.
- Wright, 1870—1872. — W r i g h t W. Catalogue of Syriac Manuscripts in the British Museum, Acquired since the Year 1838. Pt. 1—3. L., 1870—1872.
- Wright, 1882. — W r i g h t W. The Chronicle of Joshua the Stylite. L., 1882.

Рис. 9. К очерку Е. Н. Мещерской. Илия Нисибийский. Грамматика (Ленинград, ИВ АН, Сир. 43, л. 16). Писец Иосиф. Несторианское письмо. Сел. Алкош. 1746 г.

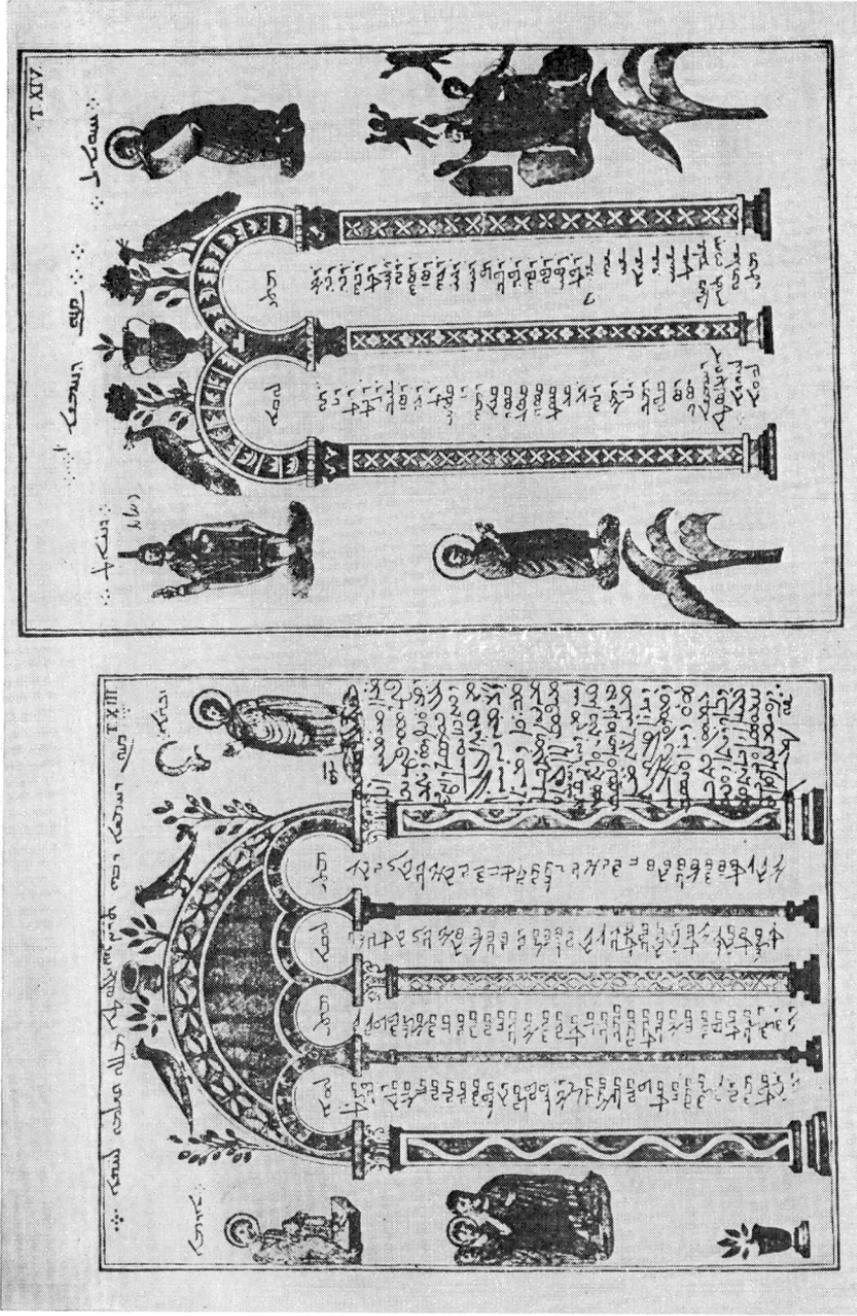

Рис. 10. К очерку Е. Н. Мещерской. Четвероевангелие. Образец оформления «Канонов» Евсевия (Канон 5) (Флоренция, Лаурентинская библиотека, Лат. Рлит. 1, 56, л. 8). Эстрангело (пометы — яковитское письмо). Монастырь мар Исаанна в Бег Загбе. 586 г.